

ВЕРА САВИТУК

Родной

18+

Вера Савитук Родной

<https://litres.ru/74329813>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она ведёт дневник.

Она пишет письма подруге.

46-летняя жительница прифронтового Курска едет в далёкий Омск —

не от войны, а чтобы увидеть небо, которое помнит её бабушку босоногой девчонкой. Но исполнение детской мечты приводит в лабиринт, полный загадок. Нет, не в прошлом — в душе того, кого ей так важно понять. Придётся шагнуть в расследование, где улики — только тишина. Ложный след — на каждом шагу. Логика не ведёт, а запутывает. А город из места происхождения неожиданно превращается в соучастника. Единственный способ найти выход — довериться тому, что разум привык считать невозможным...

Стоп. Больше ни слова — только путь вместе с ней.

Содержание

_____	5
_____	7
_____	8
_____	9
Пролог	10
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	13
Бабушка	14
Дядя Юра	20
К истокам	26
Новая родня	58
Зазеркалье	144
Конец ознакомительного фрагмента.	164

Родной

ВЕРА САВИТУК

РОДНОЙ

РОМАН

Данное произведение представляет собой художественный вымысел. Все персонажи, имена и сюжетные события — плод воображения автора. Любые совпадения с реальными людьми, ныне живущими или умершими, абсолютно случайны. Мысли и высказывания персонажей не отражают личную позицию автора. Исторические события, упомянутые в книге, служат фоном для вымышленного повествования и не претендуют на документальную точность изложения.

Городу, где меня поцеловали небеса

*СЧАСТЬЕ — САМАЯ НЕОПРЕДЕЛЁННАЯ
И ДОРОГОСТОЯЩАЯ ВЕЩЬ НА СВЕТЕ.*

— Эрих Мария Ремарк

«Три товарища»

Пролог

Я очень счастливый человек. Точнее сказать, везучий. Или счастливый, потому что везучий. Или и то и другое вместе. В общем, я умею сбывать свои мечты. Или как правильно сказать? Воплощать в жизнь. Нет, «воплощать» — слишком напряжённое слово. А путь к мечте должен быть простым и радостным. Наверное, это и есть мой главный ориентир: если дорога в тягость, значит, я пытаюсь переместиться не в том направлении.

Впрочем, мои способности время от времени получать приятные подарки от жизни начали проявляться с самого детства, а потом расцвели в годы учёбы, частенько радуя удачей на бесчисленных экзаменах.

Особенно запомнилось, как в институте сдавали философию — предмет, выучить который даже при желании было невозможно. За это все его особенно любили. И, вероятно, по той же причине к экзамену прилагался обязательный курсовик, который мы готовили с тщательностью, достойной, ни больше ни меньше, докторской диссертации. Жаль, конечно, что тема моего научного труда уже безнадёжно стёрта из памяти, но в тот момент я могла продекламировать свой выстраданный текст даже явившемуся во сне Канту. Более того, в те лохматые времена все работы писались от руки в буквальном смысле — иногда до кровавых мозолей. Можете се-

бе представить, что идея, за которую была пролита собственная кровь, навсегда остаётся с человеком. И потому привычка смотреть на события и явления жизни под философским углом закрепилась у меня на долгие годы.

...Да, так что же с экзаменом?

Последние трое суток мы почти не спали, с горем пополам одолев лишь половину билетов. В страшный «день икс» на завтрак съели по полпузырька таблеток валерьянки и, прихватив с собой все оставшиеся, отправились навстречу судьбе. В кабинет заходили по одному — каждый сам решал, узнать ли свой приговор поскорее или ещё потешить себя надеждой на вечно неуловимую студенческую «халяву». Я выбрала путь стойкого ожидания, втайне надеясь, что по прошествии многих часов общения с теми, кто не утруждал себя ночными бдениями с учебниками, преподаватель станет более снисходителен к моим скромным знаниям.

Но вот настал и мой черёд. После выматывающих часов под дверью кабинета и выпитого пузырька валерьянки моему спокойствию могли бы позавидовать египетские сфинксы. И я с лёгким сердцем быстро вытянула первый попавшийся билет.

О, в этот момент расхохотались все великие философы, которые наблюдали за этим действием со своих чинно развешанных над кафедрой портретов! Первым вопросом была... тема моей курсовой работы! А вторым... А до второго дело не дошло. Моя пятёрка оказалась единственной на курсе.

Как вы, наверное, уже поняли, я недаром завела речь о мечтах и дорогах к ним. И по радостному тону моё настроение тоже должно быть очевидным. Да, для этого действительно есть замечательный повод. Потому что именно сейчас я чувствую себя не взрослой тётей Светланой Викторовной, какой должна была бы стать к своим солидным сорока шести годам, а маленькой девочкой Светой на пути в сказочную страну, в которую мечтала попасть почти всю свою жизнь.

Тридцать лет я считала эту мечту несбыточной. Тридцать лет на пути вставляли то учёба, то работа, то дети, то вечное отсутствие денег. Да и часто ли мы обращаемся к себе с вопросом: «А чего бы мне именно хотелось?» Просто хотелось. Не рационального и необходимого, не оправданного какими-то обстоятельствами, не логичного и целесообразного. А просто для себя.

Ладно, каждому своё, а я раскрываю интригу.

Я еду на родину любимой бабушки — самого мудрого и светлого человека в моей жизни.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

— Ты здесь не влюбилась?

— Не очень.

— Мне бы это было совершенно безразлично.

— Замечательное признание. Уж это никак не должно быть тебе безразлично.

— Да я не в таком смысле. Я даже не могу тебе толком объяснить, как я это понимаю. Не могу хотя бы потому, что всё ещё не знаю, что ты нашла во мне.

— Пусть уж это будет моей заботой.

— А ты это знаешь?

— Не совсем. Иначе это не было бы любовью. Трудно найти слова, когда действительно есть что сказать.

— Эрих Мария Ремарк

«Три товарища»

Бабушка

Бабушка родилась в Сибири — где-то в районе современного Красноярского края. За пару лет до этого события её отец Григорий Евсеев, спасая семью то ли от голода, то ли от бездушных порядков нового времени[1]¹, принял решение перебраться из родного села подальше на восток, где, по слухам, можно было найти хорошую работу на строительстве железной дороги. В каком населённом пункте они остановились, доподлинно неизвестно. В паспорте у бабушки в графе «место рождения» была указана какая-то не существовавшая ни в какой момент истории деревня. В те времена прибавление в семействе ещё никто не документировал. Да что говорить, тогда даже и паспортов не было — их ввели уже позже, и то только для городских жителей.

Бабушка появилась на свет в конце июня. По какой-то давней традиции право выбрать имя для малютки предоставлялось старшим детям. И ребятня назвала её Татьяной.

Едва моей бабуле исполнился месяц отроду, Евсеевы решились двинуться обратно на родину — в деревушку недалеко от Тары, небольшого старинного городка, который в ту пору относился к Западно-Сибирскому краю.

И вот ближе к августу крохотная Танюська, замотанная в

¹ Речь идёт о политике раскулачивания и принудительного переселения, развёрнутой в конце 1920-х — начале 1930-х годов.

тугой свёрток, отправилась в дальнюю дорогу в сопровождении мамы, папы, бабушки, трёх сестёр и брата.

Я очень любила бабулины истории из детства. И рассказ об этом первом в её жизни путешествии, о котором она знала со слов матери, был одним из самых впечатляющих. И в сотый раз я слушала его, затаив дыхание, в красках представляя себе всё происходящее. Ещё бы — ведь речь шла в буквальном смысле о том, быть или не быть мне на этом свете.

Итак, большая часть пути проходила по железной дороге, а затем семье предстояла переправа на пароме через Иртыш.

Лето в тот год в Сибири выдалось особенно жаркое. Отражаясь в ленивых водах реки, нещадно палило солнце. Люди на раскалённой палубе, утомлённые долгой дорогой, сидели молча, лишь время от времени утирая катившийся ручьями со лба пот. Детишки дремали, прислонив головы к узлам с пожитками.

Рядом с бабушкиной мамой пристроилась у кормы немолодая уже женщина. И всё поглядывала в её сторону. Потом вдруг развязала лежавший на коленях платок, достала шмат вяленого мяса и протянула матери:

— Держи-ко. Небось, исть-то нечо. Робят вона скока у тебе.

Бабушкина мама была человеком гордым и довольно суровым. Окинула соседку исподлобья молчаливым взглядом

и сказала, как отрезала:

— Не надоть нам. Сваво хватат.

— Ну как знашь, — женщина, поджав губы, убрала съестное обратно в платок.

На какое-то время опять воцарилась тишина, нарушаемая только шорохом Иртыша за бортом. Танюська завозилась внутри свёртка и начала слабо попискивать. Мать с тихим шиканьем потеснее прижала её к себе.

— Девка али парень? — опять решилась заговорить соседка, кивком указывая на свёрток.

— Девка, — коротко ответила мать.

— А откудава сами-то? — попутчица явно не хотела заканчивать беседу.

— С Крапивина.

— Слыхала... — многозначительно произнесла женщина. И тут, видимо, решилась наконец перейти к тому, ради чего и заводила разговор.

— Робятишки-то ладные у тебе. Да поди трудно-то нонче растить таку ораву? А мы-от не народили своих... Шибко худо одним-то... Може, отдадите нам дитятку? Мужик у мене справный. Буде жить как царица...

У Танюськиной мамы аж глаза округлились от таких речей! Да как же можно отдать чужим людям своё дитя?! Она даже и сказать ничего не успела, как бабушка Нюра, давно слушавшая краем уха весь этот разговор, вмиг выхватила свёрток с сопящей внучкой из маминых рук:

— Ну-кошь, Настасья, дай-ко мне Татю.

И бойко скомандовала, зыркнув на назойливую попутчицу:

— Айда, там Григорий тебе зовёт.

И мама, окинув долгим уничтожающим взглядом свою странную соседку, послушно направилась к мужу. Шустрая бабушка Нюра с Танюской на руках пробиралась через лабиринт тюков и коробок вслед за ней...

Вот такая история. Чем не кино?..

В общем, как вы поняли, в тот судьбоносный день всё закончилось хорошо. И семейство моей бабули благополучно добралось всем составом до родного Крапивина, в котором когда-то появились на свет и мой прадед Григорий, и прабабушка Анастасия. Там у них родилось ещё двое детей — Юрик и Зина.

Татьяна прожила в деревне до пятнадцати лет.

Эти годы вместили в себя всё: и недолгое, но счастливое детство в дружной семье, и страшную весть с фронта... Великая Отечественная война навсегда забрала Григория Евсеева — он пропал без вести в первый же год боёв.

Анастасия, потеряв любимого мужа, так и не оправилась от этого удара. Она стала совсем замкнутой и хмурой, с утра до ночи работала в колхозе, не давая себе почти ни дня отдыха. Детьми же и домом занималась вездесущая бабушка Нюра — маленькая, быстрая, с огненно-рыжими волосами,

не знавшими седины.

Когда война закончилась, Татьяну позвала в няньки к своему первенцу Николаше самая старшая из сестёр, которая к тому времени вышла замуж за путейца[2]²из Калачинска. Там же, в местной артели[3]³, бабушка выучилась на швею и до конца жизни шила себе и всей семье обновки покруче, чем в любом современном ателье. В Калачинске она познакомилась и со своим будущим мужем — моим дедом. Вместе они уехали в Белгородскую область, где спустя много лет появилась на свет и я.

Бабушка была совершенно уникальным человеком. Она относилась к жизни с каким-то непостижимым спокойствием и смирением. Но одновременно была очень деятельной и энергичной и никогда не опускала рук — даже в самые сложные времена. А таких на её долю пришлось немало.

Удивительно, но за сорок пять лет рядом с бабулей я никогда не видела её сердитой и раздражённой, не слышала гневных нот в её голосе. По отношению же к людям, которые её недолюбливали, а иногда и открыто могли сказать что-то обидное, она оставалась абсолютно равнодушной и встречала любую грубость со своим неизменным: «Бог им судья».

² Путеец — железнодорожник, специалист по строительству, ремонту и обслуживанию рельсового пути.

³ Артель — объединение людей для совместной работы или промысла с общим заработком и ответственностью. Широко распространённая форма труда в советское время.

Жизнь долгая и всё расставит по своим местам». И никогда не унижала себя недобрыми словами в ответ. Если же срывалось задуманное дело и шло наперекосяк всё намеченное, бабушка вздыхала и со вселенской лёгкостью произносила волшебную фразу: «Да и ладно!..» И это чудесным образом спасало уже готовый обрушиться мир.

Но полтора года назад моей лучшей на свете бабушки не стало. Она ушла очень быстро и тихо — точно в рождественскую ночь, как и полагается людям, чей путь от первого до последнего дня был пронизан добротой, мудростью и достоинством.

Может быть, кому-то эти слова покажутся слишком пафосными и не совсем объективными. Что ж, каждый смотрит на мир из собственной реальности. Я же рассказываю о той, в которой живу сама.

Дядя Юра

Помню, ещё со школьных времён я мечтала побывать на бабушкиной родине — добраться до той деревеньки, где бежали её маленькие босые ножки. Выйти на берег легендарного Иртыша, воды которого помнят тот самый усталый паром, где записывалась первая глава в большой книге жизни очень близкого мне человека.

Иртыш... Ах, как много раз я представляла себе эту далёкую реку! Суровую, загадочную и могучую, как сама сибирская земля. Я безошибочно находила Иртыш на школьных картах, знала все его притоки, высчитывала расстояние до деревни, которое пришлось преодолеть семье после той переправы...

А сколько мысленных путешествий я совершила на страницах автомобильных и железнодорожных атласов!.. И всё время просила бабушку взять меня с собой, когда они с дедом время от времени ездили к родным в Сибирь. Но родители не отпускали меня: говорили, что я ещё слишком мала для таких долгих дорог.

Иногда к нам в гости приезжал бабушкин младший брат дядя Юра. Они были очень дружны в детстве и потом всю жизнь поддерживали связь.

Дядя Юра запомнился мне высоким, смуглым и очень ве-

сёлым. Подтянутая фигура и военная выправка создавали впечатление довольно-таки молодого человека, даже несмотря на то, что на его голове почти не осталось волос. Он постоянно говорил какие-то остроумные вещи, так что взрослые в его обществе всё время смеялись и становились особенно добрыми. И тогда мне разрешалось съесть десятую конфету из вазочки на накрытом для вечернего чая столе, играть с фарфоровыми рыбками из серванта, трогать которые в другое время не позволялось, и сидеть допоздна в постели, рассматривая картинки в моей любимой старой детской энциклопедии.

Однажды во время летних каникул, когда мне было уже лет восемь, меня оставили на несколько часов с гостившим в тот момент дядей Юрой. До этого дня мы не особенно с ним общались, я даже как-то немного его стеснялась или побаивалась. Он казался мне огромным и шумным, не похожим ни на кого из близких в моей семье.

Дядя Юра не знал, что со мной делать, и повёл меня гулять.

Мы шли с ним вдоль центральной улицы нашего городка, он заводил меня во все встречающиеся по пути магазины и говорил: «Ну, выбирай, чего тебе больше хочется!»

Признаться, такое предложение повергало меня в полную растерянность, ибо покупка подарков без какого-либо повода никогда не входила в привычки моих родителей. Я бро-

дила вдоль прилавков с кружащейся от непосильной задачи головой, а дядя Юра терпеливо ждал, не пытаясь меня торопить или помогать с выбором — ни намёком, ни взглядом.

Спускаясь с крыльца третьего или четвёртого магазина, я уже осмелела и решила побольше узнать о своём необычайно щедром родственнике.

— А у вас дома в Сибири есть дети? — спросила я, предполагая, что только большой опыт общения с моими сверстниками может хоть как-то объяснить столь великолепное понимание составляющих детского счастья.

— У меня есть сын, — услышала я в ответ, — но он уже совсем взрослый и сейчас служит в армии.

Я живо представила себе, какое потрясающее детство было у сына дяди Юры, и мне захотелось узнать имя этого счастливчика.

— А как его зовут?

— Олег.

— Моего соседа по парте тоже зовут Олег, — сказала я, не найдя, как ещё можно продолжить разговор.

— Не обижает тебя? — поинтересовался дядя Юра.

— Да ну! — махнула я рукой. — Он очкарик, и его самого все дразнят. А ещё он всё время приносит из дома еду: яблоки там, печенье... И со мной всегда делится. Даже если яблоко одно — режет его линейкой. Мальчишки увидели и теперь кричат нам всегда: «Тили-тили-тесто, жених и невеста!» Хорошо, что каникулы начались... Вообще не хочу

больше с ним сидеть...

Я и сама не заметила, как разоткровенничалась всерьёз. А дядя Юра слушал внимательно и даже не улыбался.

Улица была очень длинной, и магазинов было много. Постепенно пакет с покупками становился всё объёмнее и тяжелее. Там уже теснились пушистая лупоглазая собачка, которая особенно жалобно посмотрела на меня в магазине игрушек, несколько книжек, карманные календарики для коллекции, которую я собирала чуть ли не с рождения, кулёк «каракума» — моих любимых шоколадных конфет, набор разноцветных ручек — точно такой, как я видела у одноклассницы, большой тульский пряник в коробке, значки с героями мультиков и даже ситцевый сарафан с ромашками на зелёном поле — дядя Юра сказал, что он особенно подходит к моим глазам.

В общем, к концу этой чудесной прогулки мы уже были лучшими друзьями. До дома оставалось всего ничего, как на нашем пути вдруг возник киоск со всякой чепухой, на которую я любила глазеть по дороге в булочную. И я внезапно вспомнила про одну занятную игрушку там на витрине — небольшую плоскую куклу Буратино с руками и ногами, скреплёнными винтиками в местах сгибов, так что им можно было придавать любое положение. Буратино был одет в настоящую одежду из ткани, застёгнутую на крошечные пуговицы, и постоянно притягивал мой взгляд. Я даже как-то сказа-

ла маме, что хотела бы себе такую игрушку, но она, рассмотрев предмет моих желаний, вынесла вердикт, что это «какая-то ерунда», и вообще я уже большая, и лучше купить «что-то стоящее».

И тут у меня внутри всё прямо замерло от робкой надежды: «А что, если?..» — и ноги сами понесли меня к киоску. Дядя Юра пошёл за мной. Он сразу увидел эту куклу и, словно читая мои мысли, просто спросил, показывая на Буратино: «Это?» Я, смущаясь от осознания собственной дерзости, смогла только молча кивнуть. Через пару секунд заветная игрушка уже была у меня в руках.

...Мама только вздыхала, рассматривая содержимое пакета, с которым мы вернулись домой.

— Дядя Юра, да зачем же?..

— Пустяки. Я так захотел, — ответил мой благодетель и, подмигнув мне, отправился мыть руки.

Бабушка уже накрывала стол к ужину.

Через пару дней дядя Юра уехал. Больше я никогда его не видела. Говорили, что он сильно заболел и теперь не может приезжать к нам в гости.

И лишь потом, много лет спустя, мы узнали, что весной того далёкого 1986 года дядя Юра побывал в самой гуще событий на Чернобыльской АЭС. В те времена это была секретная информация, которую нельзя было доверять даже са-

МЫМ БЛИЗКИМ.

К истокам

За окном стремительно меняются пейзажи. Скорый поезд мчит меня в незнакомый город, навстречу прошлому, где меня ждёт сын дяди Юры — тот самый «счастливчик» Олег. Правда, я зову его «дядя Олег» — он ведь двоюродный брат моего отца, а значит, приходится мне двоюродным дядей. Из всей бабушкиной семьи только он остался жить в Омске — со временем и Тара, и Крапивино вошли в состав Омской области.

Идея этой поездки родилась год назад. После того как не стало бабушки Тани, мне нестерпимо захотелось исполнить эту давнюю мечту: увидеть своими глазами сибирские края, встретиться с кем-то из своих и наконец-то пройти по берегу Иртыша.

«А почему бы и... да!» — решила я. Красный диплом «иньяза» и ноутбук с интернетом уже давно сделали меня вольной птицей. И внезапно оказалось, что теперь есть и время, и средства отправиться в это дальнейшее путешествие. Разумеется, не одной — без Маруськи я теперь никуда. Но в свои неполные семь она уже достаточно взрослая, чтобы выдержать двухсуточный переезд по железной дороге через треть страны.

В Омск, конечно, летают и самолёты. Но с самолётами у

меня особые отношения. Если честно, я боюсь их до беспамятства, поэтому такой вариант даже не рассматривался. Тогда как поезда, напротив, моя любовь с детских лет, и когда-нибудь я точно доберусь по стальным путям до самого Владивостока и обратно.

Когда решение было принято, дело осталось за малым — найти хоть кого-нибудь из родни. В идеале — дядю Олега.

Ах, знали бы вы, каких трудов мне это стоило! Его отец умер несколько лет назад. Телефоны бабушкиной младшей сестры Зинаиды и многочисленных племянников из старой записной книжки упорно не отвечали.

В конце концов, уже ближе к новогодним праздникам, в который раз разбирая архив фотографий, я наткнулась на сложенный тетрадный листок с мобильным номером, написанным знакомым отрывистым почерком: «Николаша нов.» И тут меня осенило: это же новый номер сына бабушкиной сестры из Калачинска, которого она когда-то нянчила!

К знакомству с Николаем Трофимовичем я готовилась основательно. Перечитала все свои записи. Из них следовало, что судьба решила оставить Николая без собственной семьи и детей. Он ни разу не был женат и прожил всю жизнь в родном Калачинске, работая на механическом заводе.

«Как-то очень печально у него всё сложилось. Точнее — не сложилось, — думала я. — Что может быть хуже одинокой

старости?» И в голове настойчиво возникал портрет кряхтящего и ворчливого деда с артритом и давлением, уныло шаркающего по серой холостяцкой квартирке.

Когда же ему позвонить — так, чтобы не оказаться некстати? Мне очень хотелось, чтобы впечатление от знакомства не было испорчено никакими случайными обстоятельствами. В конце концов я решила, что первый день Старого Нового года будет идеальным моментом, а всё остальное я отдаю в руки своему природному везению.

Николай Трофимович удивил меня сразу. Не только тем, что ответил уже на второй секунде, но и необычайно молодым и жизнерадостным голосом. Я даже ещё раз мысленно прикинула его возраст — да, ему уже должно быть под восемьдесят.

Узнав, что я внучка его любимой «няни» — именно так он называл мою бабушку в детстве — Николай Трофимович обрадовался так, словно в это детство вернулся. Сразу же стал расспрашивать меня об отце и нашей жизни с такой непосредственностью, будто мы разговаривали пару недель назад. К моей идее приехать в Омск и Крапивино он отнёсся прямо-таки с энтузиазмом. Даже сказал, что ради такого случая и сам постарается выбраться на встречу, благо Калачинск находится совсем недалеко.

Под конец Николай Трофимович пообещал найти для меня все телефоны и адреса остальных родственников и пере-

звонить. Правда, предупредил, что быстро не получится: как раз сейчас он собирается в баню с друзьями. Баня по воскресеньям — это святое! А завтра он планирует закончить ремонт в своей квартире. Ну, как ремонт? Всего лишь побелить потолок в одной комнате. Конечно же сам! Да он его каждый год белит! А потом до конца недели он уезжает в гости к своей подруге. Она живёт в посёлке недалеко от города, и там сплошная благодать — лес рядом. Они будут кататься на лыжах, а по вечерам пить чай из самовара и греться на печке... Поэтому позвонит он мне, наверное, через неделю. Да, не раньше.

Мы тепло попрощались, и я ещё долго смотрела на погасший экран телефона, размышляя о том, что на самом деле ничего не знаю о жизни одиноких старичков из Калачинска.

Всю неделю я провела в предвкушении нового разговора с Николаем Трофимовичем, мысленно потирая руки от того, что реальность начинает идти мне навстречу. Теперь уже можно было составлять конкретные планы на поездку.

Во-первых, где мы будем жить? Свалиться на голову родственникам, которые ещё вчера не знали о твоём существовании — точно не вариант. Что тогда? Гостиница? Снять квартиру? Кроме того, не нужно забывать про Марусю. Ведь встречи с чужими взрослыми и поездки в глухую деревню

— явно не то, чем мечтает заняться шестилетняя девочка летом. Значит, надо продумать размещение и нашу культурную программу так, чтобы все остались довольны.

Полезла, конечно, в интернет — посмотреть, куда, собственно, я собралась. Оказалось, омская земля — особенная. Растянулась с севера на юг: от тайги до жарких степей. Повсюду озёра: и пресные, и солёные, и с лечебными грязями. Одно даже может потягаться по составу с Мёртвым морем. А ещё — болота. Их тут столько, что уму непостижимо. Знаменитые Васюганские — и те дотягиваются до Омской области. Но больше всего там всё-таки лесов. Берёзы, сосны...

О, а это идея! Может быть, нам остановиться в каком-нибудь санатории или доме отдыха недалеко от города? Это решило бы сразу кучу вопросов. Там и для ребёнка занятие найдётся, и природа, и воздух... А для меня — тишина и возможность выбираться в Омск по мере желания. Или, когда дядя Олег найдёт для нас время. Если вообще захочет. А то, можно подумать, он спит и видит, как к нему нагрянет незваная родня из-за тридевять земель. Так что да, надо попридержать свою фантазию.

Вот такие мысли занимали мою голову в ожидании звонка Николая Трофимовича.

Он разбудил меня воскресным утром.

Ах, да, у нас же три часа разницы во времени — в Курске только девять, а в Калачинске уже полдень. Сейчас я уже

привыкла, а тогда всё ещё было в новинку.

Николай Трофимович подошёл к делу основательно. И я аккуратно записала под его диктовку все имена, адреса, телефоны и даже даты рождения нашей общей родни, разбросанной по всей стране. Потом он ещё немного поделился впечатлениями от своей насыщенной недели и спросил мой почтовый адрес. Выяснилось, что он тоже в своё время занимался исследованием истории семьи. И мы договорились держать связь.

А через две недели я получила посылку с небольшим альбомом, где среди других редких снимков с восторгом обнаружила фото прапрабабушки Нюры — той самой, что почти век назад зорко стерегла маленькую Танюську на пароме через Иртыш. Конечно же, изображение было тусклым, а некоторые черты лица совершенно размыты — но мы смотрели друг на друга! И в её глазах блестело такое же живое и деятельное участие, какое я всегда замечала во взгляде моей любимой бабули.

Впрочем, не будем забегать вперёд.

Из всего лежащего передо мной внушительного списка меня пока что интересовал только омич — Олег Юрьевич Евсеев.

Николай Трофимович рассказал о своём двоюродном брате немного: «Да, что говорить?.. Военный он, моряк. Но сейчас уж давно на пенсии. Работает вахтой на севере, месяц через месяц... Две дочери взрослые. Развёлся вот в позапро-

шлом году. Женщина вроде какая-то у него есть. Но там не поймёшь — то живут вместе, то не живут... Да мы с ним и не общаемся особо. Больше с его матерью. Правда, последнее время Надя болеет сильно — с сердцем плохо. За Олега очень переживает, один ведь он у неё... Больше и не знаю, что сказать. Вот познакомишься и сама всё узнаешь. Только он сейчас на работе, а там связи почти нет. После пятнадцатого февраля домой вернётся, тогда и звони».

Информация получилась скомканной и какой-то грустной. Честно говоря, с трудом представляю, какой должна быть нужда, чтобы пенсионер подался на заработки на север. Для молодых-то это тяжело, а для человека в возрасте так вообще невыносимо. Моего отца уже давно ничего, кроме дачи и возни с любимой техникой, не интересует. Что ж, у каждого свои обстоятельства. По крайней мере, картина частично прояснилась. Или, наоборот, ещё больше затуманилась?..

Однако деваться некуда — ждать ещё целый месяц. И, не теряя времени, я принялась вовсю готовиться к предстоящему приключению.

Это занятие было особенно увлекательно тем, что раньше я никогда не путешествовала самостоятельно на такие дальние расстояния. И во всех предыдущих длительных поездках рядом непременно находился муж. А значит, передо мной не стояло задачи физически перемещать все вещи, которые я сочла необходимым упаковать в два чемодана размера XL.

Шутка. Какие могли быть сейчас огромные чемоданы, если я со своими сорока двумя килограммами не заволоку их даже на ленту транспортёра.

Нет-нет, муж у меня есть и сейчас. Но! Во-первых, его совершенно не интересуют мои родственники. Во-вторых, ехать летом куда-то, кроме моря, он считает абсурдным.

В-третьих, ему просто жалко тратить деньги по двум предыдущим причинам.

А денег, надо заметить, выходит прилично. Как говорится, хватило бы на две Турции. Но меня этот вопрос волнует меньше всего — на то оно и «путешествие мечты». Вот как раз для таких целей я и держу тайный счёт в банке. Да, есть у меня такой. Давно привыкла надеяться только на себя.

И, признаться, была бы весьма расстроена, если бы Вадим решил сопровождать меня в этой поездке. Потому что я вообще не хочу, чтобы он меня куда-то сопровождал. Ведь любое расстояние — это кусочек жизни без его криков и скандалов, в которых парадоксальным образом виноватой всегда оказываюсь я.

Вы спросите, почему в таком случае я за ним замужем? Резонный вопрос. Я тоже его время от времени себе задаю. Но на решение, честно, нет сил. Хотя, если когда-то его и приму, то только с одним условием: больше никаких мужчин. Только одна.

Но, в принципе, если так посмотреть, живу я неплохо. Без шика, но ни в чём не нуждаюсь. Есть собственная малога-

баритка на окраине Курска, из которой переехала к мужу. А у него просторная трёшка в хорошем районе, напичканная всей бытовой техникой, о какой только можно мечтать. Правда, почти половину этого добра я купила сама. Но хорошо, что могу себе это позволить. Есть любимое дело, доход от которого не вопрос выживания. В конце концов Маруська любит папу, и это взаимно. Временами мы с ним даже неплохо общаемся — просто по-человечески. Ремонт вот затеяли, мебель новую покупаем. Скоро будет готов большой встроенный шкаф во всю стену, который я сама рисовала по миллиметрам, каждую полочку и ящик продумывала. Жду-не дождусь уже, когда наконец-то смогу навести порядок в гардеробе. За шкаф, кстати, я тоже заплатила почти половину. А как иначе? Это же моя хотелка, а Вадима устраивает старый — с провисшими дверями.

К счастью, ремонт уже почти закончен. Приеду из Омска, и будем заниматься последней комнатой — нашей с Марусей. Да, у нас так. У каждого своя: у сына, у мужа и у нас с дочкой. Это ещё с того момента, как мы вернулись из роддома. Маруся заплакала ночью, пока я её переодевала. А Вадима это прямо взбесило. Он забрал свою подушку с одеялом и ушёл спать в зал. С тех пор мы с ним и живём в разных комнатах.

Да он и ребёнка не касался лет до полутора. Мог иногда погремушкой погребеть, поагукать да «ладушки» похлопать в своё удовольствие. А потом всё, извините, у него футбол,

фильм... Ведь он очень устал, потому что работает и всех нас кормит. Бывало даже попрошу поносить её на руках, пока я поем, а он таймер ставит на полном серьёзе: «У тебя ровно десять минут».

Мы Маруську с Володей вырастили. Ему было пятнадцать, когда она родилась. Такого помощника ещё поискать: и качал, и гулял, и кормил. Не знаю, что бы я без него делала. Сын у меня золотой.

Ладно, что-то я отвлеклась на свои жизненные перипетии. А у кого нет проблем? Вот именно! Лучше сосредотачиваться на хороших моментах.

А сборы в Омск были именно такими.

Во-первых, надо было продумать багаж. Я сразу решила, что чемоданы — это не вариант. Во всяком случае большие. Потому что катить их по платформе, конечно, удобно, но любая лестница сразу же ставит преимущества короба на колёсах под серьёзные сомнения. Поэтому у нас будут рюкзаки — у обеих! Но Маруся мечтает о чемодане, как о главном атрибуте путешествия. И на нём обязательно должна быть нарисована какая-нибудь принцесса. Что же, мечтам необходимо иногда сбываться. Кроме того, небольшой чемоданчик я вполне в состоянии какое-то время удерживать на весу. Решено: идём выбирать самую красивую принцессу! Так, ещё мне нужна маленькая, но вместительная сумочка для мелочей, которые надо всегда держать при себе, и небольшая до-

рожная — для продуктов.

...О, сколько же я пересмотрела блогов и инструкций на тему: как впихнуть «всё необходимое для жизни на необитаемом острове» в два рюкзака и детский чемоданчик.

Далее следовало составление подробнейших списков вещей, которые могут потребоваться за две недели вдали от дома при любых капризах погоды. В Омске, как выяснилось, даже июль не гарантия того, что вам не понадобятся свитер и ветровка с капюшоном.

Затем я озадачилась покупкой мелочей, которые никогда не пригодятся человеку, ведущему оседлый образ жизни: дождевики вместо зонтов, походная посуда для поезда, органайзеры, дорожные флакончики и прочие атрибуты счастливого быта путешественников.

А по вечерам, и даже по ночам, я просиживала часы в интернете, изучая отзывы на санатории, расписание автобусов до Тары и способы добраться до почти исчезнувшей деревни.

В конце концов санаторий был найден, расписания сохранены в закладках и даже переписаны телефоны частных перевозчиков, которые подрабатывают перевозками до глухих деревень — их я нашла в пабликах Тары и окрестных посёлков.

Так незаметно время подошло и к середине февраля.

Вопрос о том, когда лучше позвонить дяде Олегу, отпал

сам собой. В моих записях значилось, что 27 февраля он отмечает свой День рождения. Лучше повода и не придумать. Однако, несмотря на то что план поездки был практически утверждён, я волновалась перед этим знакомством не меньше, чем перед первым звонком Николаю Трофимовичу. Чтобы не запутаться и не сбиться с мысли в процессе разговора, решила даже набросать шпаргалку в блокнот. Главное — дать понять, что я еду не в гости, а в самостоятельное путешествие к своим корням. Тем более что это так и есть на самом деле. Я ужасно боялась показаться навязчивой.

Со временем, конечно, угадать всегда трудно, но почему-то захотелось позвонить именно вечером.

Мы были дома вдвоём с Марусей. Объявив, что у меня важный разговор, я ушла в другую комнату, устроилась поудобней на диване, положила рядом открытый блокнот, на секунду зажмурилась, выдохнула и внимательно набрала одиннадцать цифр, посекундно сверяясь со своими записями.

Вообще звонить в День рождения хорошо тем, что человек обычно старается не отходить далеко от телефона.

Мой расчёт оправдался, и через пару гудков я услышала в трубке сдержанное:

— Да, говорите.

— Здравствуйте! Олег Юрьевич? — и уже чувствую, как в горле мгновенно пересохло.

— Слушаю.

— Мне тут подсказали, что у вас сегодня День рождения. Это так? — я говорю уверенно, с едва уловимыми «нотками тамады» в голосе. Большой опыт выступлений со сцены в студенчестве научил меня мастерски скрывать волнение.

— Да. А кто это?

— Мне дал ваш номер Николай Трофимович. Я внучка Татьяны, сестры вашего отца. Дочь вашего двоюродного брата Виктора, — объясняю я и, ощущая замешательство своего собеседника, делаю секундную паузу: — Вам удобно говорить?

— Да, могу, — в его интонации уже чувствуется оживление.

— Хочу поздравить вас с Днём рождения! Желаю здоровья, благополучия и удачи во всех делах! — исполняю я запланированную часть своей речи.

— Спасибо! — в голосе по другую сторону трубки послышалась лёгкая улыбка. — Рад познакомиться. Да, помню тётю Таню, она часто бывала у нас в гостях. И я в детстве, ещё до школы, тоже как-то раз ездил к вам с бабушкой Настей.

Точно, моя бабуля говорила, что дядя Юра забрал маму из деревни, когда у него родился сын. Как интересно! Значит, дядя Олег наверняка сможет что-то рассказать о своей бабушке. Азарт исследователя уже зашекотал мои мысли.

А Олег Юрьевич продолжил:

— Правда, из этой поездки я почти ничего не помню. Только двух мальчишек: постарше и помладше. Мы ходили

вместе на речку. Там я запутался в водорослях недалеко от берега и начал тонуть. И старший вытащил меня.

— Это мой папа, а младший — его брат Дима. Бабушка Настя, наверное, ужасно переживала за вас, — включаюсь я в воспоминания дяди Олега.

— Нет, взрослые этого даже не заметили. А вот я действительно испугался.

Голос в трубке на мгновенье замолкает. Я понимаю, что пора переходить к главной цели своего звонка. И вдруг, неожиданно для самой себя, спрашиваю:

— Олег Юрьевич, а вы не будете против, если я буду называть вас просто «дядя Олег»?

— Да пожалуйста, — улыбается мой собеседник.

— Дядя Олег, я вообще вот что хотела обсудить... Понимаете...

И тут меня охватывает какое-то смятение. Слова в голове разбегаются в судорожной попытке точно сформулировать мысли, сердце начинает стучать чаще, и я уже знаю, что единственное средство снять эту неловкость — признаться в ней прямо:

— Вы простите, я волнуюсь и, может, как-то не совсем складно буду говорить... Знаете, мы были очень близки с бабушкой, и она мне много рассказывала о своём детстве и молодости, о семье. Мне всегда очень хотелось побывать на её родине... И вот год назад её не стало... Я очень скучаю... А теперь решила всё-таки исполнить свою давнюю мечту — до-

браться до деревни, где она выросла. И вообще посмотреть на ваши края...

Дядя Олег слушал молча, и я, чувствуя, как постепенно уходит внезапно разбушевавшееся волнение, рассказала ему о своих планах поселиться в санатории недалеко от Омска, посмотреть на город, погулять по берегу Иртыша и, конечно же, доехать до Крапивина. А в конце добавила, что если представится такая возможность, то была бы рада личной встрече с ним и его семьёй.

К счастью, дядя ответил сразу и очень тепло. Он не был многословен, но сомневаться в его искренности мне даже не пришло в голову:

— Да, конечно, приезжайте. У моей мамы большая квартира — всем хватит места. Я вас встречу, в деревню съездим, покажу всё...

— Спасибо большое за предложение, но мне неловко стеснять вашу маму, — поспешила я обозначить свою самостоятельность. — Мы всё же остановимся в санатории. Я посмотрела, оттуда ходит автобус каждые пару часов до Омска. Мы будем сами приезжать в город.

— Ну, хорошо, — согласился дядя Олег и добавил: — Там как раз дача у меня совсем рядом, и я смогу вас подвозить, когда будет нужно.

Потом он сказал мне свой рабочий график на лето, чтобы я смогла выбрать подходящие даты для поездки. И, договорившись обменяться фотографиями в ватсапе, мы попроща-

лись.

Я отложила телефон в сторону, закрыла блокнот, в который так ни разу и не посмотрела, и, вспоминая моменты только что завершённого разговора, попыталась представить по голосу своего нового родственника. Интересно, какой он?..

Окончательно придя в себя, вся ещё в радостном волнении от того, что обстоятельства продолжают складываться наилучшим образом, я принялась листать галерею в поисках подходящих фотографий. Наконец выбрала несколько снимков.

Себя с Марусей после её выступления на конкурсе детского творчества.

Родителей у новогодней ёлки: папа в костюме при галстукe, а мама в блестящем серебристом платье, купленном, наверное, ещё в моём детстве. Это их традиция: уже давным-давно они встречают Новый год дома вдвоём, но всякий раз наряжаются будто на банкет в ресторане.

Добавила семью младшего брата Артёма — с недавней фотосессии, которые так любит устраивать его жена.

Не хватало только Володи. Его настолько трудно затащить в кадр, что, боюсь, мои внуки рискуют не узнать, как их отец выглядел в молодые годы. Но в конце концов мне удалось

отыскать прошлогоднее фото с Марусиного Дня рождения, где мы были втроём: я и дети на фоне воздушных шариков и торта.

Кажется, никого не забыла.

Ах да, муж... И тут мне сразу вспомнилось его презрительное «твоя семейка». Эти слова он произносил всякий раз, когда хотел подчеркнуть кардинальное несовпадение наших взглядов на жизнь. И мне не захотелось отправлять его фото новой родне.

На следующий день я проснулась под беспрестанное пиликанье телефона. Звуки принятых сообщений лились нескончаемым потоком. Я лежала с закрытыми глазами и пыталась их считать. Где-то на втором десятке, окончательно сбившись, решила всё же заглянуть в ватсап.

С ума сойти! Дядя Олег, похоже, решил отправить мне весь семейный альбом! Фото сопровождались короткими подписями и голосовыми сообщениями.

Я уселась в постели, закутавшись в одеяло, и, сгорая от любопытства, погрузилась в изучение застывших моментов жизни ещё вчера незнакомых мне людей.

«Это я» — гласила подпись к первому снимку. С экрана на меня смотрел улыбающийся во все тридцать два зуба дядька в казачьей форме: лихо сдвинутая набекрень папаха, португепя поверх гимнастёрки, рука свободно обхватывает вложенную в ножны шашку. Ух ты, какой удалой!

Следующее фото — селфи, крупный план снизу. Можете попробовать так сфотографироваться и потом сравнить с оригиналом в зеркале. Сомневаюсь, что вы себя узнаете. Вот и я тоже не нашла ничего общего с казаком с предыдущего снимка. Из-за плеча дяди — я всё же поняла, что это именно он — выглядывает круглолицая кареглазая девушка. Подпись: «Моя старшая дочь Рита».

На следующей фотографии — суровый «морской волк» в камуфляже с автоматом. Уже без комментариев. И снова другой.

Далее — парадный снимок у входа в ЗАГС. Невеста, словно модель с обложки модного журнала. Рядом держит букет белых роз весьма эффектная пожилая дама с короткой стрижкой и аккуратным макияжем. По другую сторону красотки в подвенечном платье довольно немолодой мужчина с лицом, на котором читается вся серьёзность момента. Практически лишённая волос голова и неловко сидящий костюм, уже не скрывающий несовершенства фигуры — пожалуй, так может выглядеть только отец невесты. Комментарий: «На свадьбе у младшей Кристины. Я и моя мама. 3 года назад».

Казак, моряк, отец семейства... Это, конечно, удивительно, но на четырёх фотографиях дяди Олега были как будто совершенно разные люди. Кстати, на его аватарке в ватсапе я увидела пятый вариант — ни-сколько не похожий на все предыдущие.

Тут мой родственник опять появляется в сети.

Пишу ему: «Дядя Олег, здравствуйте! Как много! Спасибо! Сейчас буду смотреть. Вы ведь моряк, правильно?»

Он: «Уже давно на пенсии».

Я: «А где служили вообще? Какая специальность была?»

«На берегу, военпредом», — приходит краткий ответ, почему-то напомнивший мне известное «В штабе, писарем»[4]⁴.

И тут я догадываюсь, какая единственная общая деталь у его фотографий — все они явно сделаны не в последнее время. Лет пять-семь, а то и десять назад. Свадебный снимок — и тот трёхлетней давности. Что ж, значит, сейчас он уже выглядит иначе. Наверное, не очень таким себе нравится, вот и присылает кадры из прошлого. Никому не хочется стареть.

Прокручиваю чат дальше. Ах вот оно что! Дядя Олег отправил мне ещё древние чёрно-белые фото. Некоторых людей на них я хорошо знаю. Вот Григорий Алексеевич в пилотке со звёздочкой — последний снимок из госпиталя, сделанный в декабре 1941 года. У нас тоже есть такой. А вот парадный портрет из фотоателье: Григорий и Анастасия сидят в окружении пока ещё четверых детей. По явно округлившемуся животу матери понятно, что скоро ожидается прибавление. Люди в кадре ещё не знают, что этого нового человека будут звать Танюськой, и она отважно перенесёт долгую

⁴ Фраза Даниила Багрова (к/ф «Брат», 1997 г., реж. С. Бодров), ставшая символом уклончивости и недосказанности о серьёзном военном прошлом.

дорогу в родные края под неусыпным взором своих близких.

Следом открываю голосовые. Дядя Олег рассказывает о лицах на фото, но делает это уже совершенно свободно, по-свойски. И я вдруг замечаю непривычный уху говор, которого не уловила накануне. Повышение интонации в конце фразы, лишняя частица «-то». Совсем как у бабули после её долгих сибирских поездок. Что-то щемяще родное и нежное на мгновение охватывает душу.

Вдруг к голосу дяди присоединяется другой — женский, с характерной хрипловатостью пожилого человека. Наверное, он пришёл к маме, и теперь они сидят с альбомами, перебирают снимки и отправляют мне. Слышно, как она пытается его поправить, даже завязывается короткий спор «в прямом эфире».

«Мы и сами тут уже запутались, кто есть кто», — с добродушной растерянностью заключает дядя Олег. Слушаю это и улыбаюсь: похоже, в каких-то семейных хрониках я уже разбираюсь лучше них.

Мы продолжали говорить онлайн. Я слушала дядины голосовые и отвечала текстом. И лишь когда разговор закончился, взглянула на часы. Оказалось, два часа, целых два часа мы проболтали! Я настолько увлеклась этой беседой, что забыла про собственную дочь!

Выхожу на кухню, а хитрая Маруся, так и не дождавшись завтрака, поела всё печенье и яблоки из вазочки на столе и с упоением смотрит свой любимый мультсериал про

принцесс — наверное, уже сто пятьдесят шестую серию подряд.

Дальше дни полетели со скоростью света.

И вот уже в конце марта настал черёд главного — покупки билетов.

Прямого маршрута от Курска до Омска не существует — ехать придётся с пересадкой в Москве. Там тоже надо ещё перебраться с одного вокзала на другой. Хорошо, что в нашей семье есть свой москвич. Брат ещё лет десять назад отправился «покорять столицу», устроился там на хорошую работу и обзавёлся семьёй. Он-то и сможет встретить нас с Марусей и потом отвезти к Ярославскому вокзалу.

Кстати, думая о дате поездки, я мечтала оказаться в Омске именно в День рождения бабушки — 27 июня. Хотелось мне сделать ей вот такой подарок. Но в этом вопросе я теперь была привязана к графику дяди Олега. И тут опять на помощь пришла моя везучесть — заветное число как раз выпало на его выходные.

Но это ещё не всё. Путешествие, о котором ты мечтаешь всю жизнь, просто обязано быть идеальным — ну, или хотя бы максимально приближенным к идеалу. Фирменный поезд, купе, нижние полки... Никак иначе.

Фирменных поездов от Москвы до Омска немного, а точ-

нее, всего два. И один из них с тем же названием, какое я видела в детстве на бабушкиных билетах — «Москва — Чита». Лучшего варианта для моей «исторической» поездки придумать сложно. Правда, состав совсем маленький, и купейный вагон один-единственный — двенадцатый из шести (никогда не могла понять логику железнодорожной нумерации). Ну, это не беда. Выбираю первое купе — поближе к титану и к проводнику, а то мало ли что... И последний штрих: одним движением руки превращаю наше временное жилище в женскую территорию. В чисто девчачьей компании ехать спокойнее — это мне точно известно.

К счастью, в наш век процесс покупки билетов уже обходится без очередей в кассах вокзала. Всё можно сделать, не выходя из дома. Вернее, из интернета.

Ну вот, наконец-то это случилось. И четыре билета — два до Москвы и два до Омска — заняли своё место в папке «Важное» в ящике электронной почты.

Первым делом, конечно, я известила о том, что мои планы превращаются в точные даты, дядю Олега. (К тому времени он уже опять приехал на вахту). Отправила ему короткое сообщение. И тут мне стало любопытно узнать: а как там в тайге — кругом дремучий лес, и бегают дикие звери? Ну и спросила. Прямо так, как подумала. А когда ответ пришёл, он был совсем не таким, как я ожидала. Это был не текст и не голосовое. Это было видео.

Двенадцать видео сразу!

Ничего себе! Я аж рассмеялась.

Пишу ему: «Ого! Спасибо! Очень интересно! Обязательно всё посмотрю».

Для такого фильма надо было выделить хотя бы полчаса без суеты. Поскорее закончив срочные дела, я приготовилась погрузиться в обстановку, которая окружает вахтовиков где-то за много тысяч километров от Рябиновой улицы в Курске.

Первое, что бросилось в глаза — а где же тайга? Вместо леса — едва заметная каёмка деревьев на горизонте. А вместо зверей — огромные цистерны с ржавыми потёками, синие металлические вагончики с протянутыми к ним пучками проводов и замысловатые оглушительно гудящие установки неизвестного предназначения. И снег. Много снега. Нет — ооочень много снега. Именно снег был главным героем практически всех этих видео. Он то валил стеной, скрывая мир плотной матовой пеленой, то лежал уже победителем — сверкающей монолитной толщей, под которой бесследно исчезало всё, что возвышалось над землёй хоть на метр. Все эти живые картины сопровождались весёлыми комментариями за кадром.

Впрочем, в зарисовках вахтовой жизни всё же нашлось место и для диких зверей. Иногда среди вагончиков и сугробов появлялась любопытная лисичка. Дядя и его коллеги время от времени подкармливали её: то супом, то молоком,

то даже расщедривались на добрый кусок мяса. Лисичка вела себя очень забавно, а дядины реплики добавляли комичности этим нехитрым сюжетам.

Я написала комплимент сообразительному зверьку и спросила, не заглядывает ли в гости кто-то ещё из местных обитателей.

Ответ моего собеседника был по-обыденному простым: «Летом медведица с медвежатами ходила. Поэтому нам нельзя передвигаться пешком — только на машине. Волки собак таскают. Ну и всякая мелкая живность: лисы, зайцы».

Вот так-то, оказывается... И мысль о человеческой уязвимости — перед стихией ли, хищниками или другими явлениями жизни — напомнила о моей собственной не менее опасной действительности, к которой здесь, у границы, уже давно все привыкли.

За окном опять завывала сирена «ракетной опасности».

Что ж, человек привыкает ко всему. Мой дядя привык жить в окружении медведей и бесконечного снега и работать по полсутки на морозе тридцать дней подряд. А мы вот привыкли жить на фоне воздушных тревог, да ещё и под боком у атомной станции. Одно радует — полагаю, что именно благодаря соседству с «ядерным объектом» у нас тут работают лучшие расчёты ПВО.

Кстати, если кто-то думает, что жизнь обычных людей в ста километрах от линии фронта существенно отличается от жизни на более отдалённых территориях, то могу вас за-

верить: это совершенно не так. Если падающие в прямом смысле на голову снаряды не становятся частью повседневности, как, к примеру, у бедных белгородцев, то люди склонны быстро адаптироваться и с полным безразличием относиться и к сиренам, и даже к хлопкам ПВО в небе время от времени.

И у нас всё так же, как у всех. Народ ходит по магазинам и в театр, гуляет в парках, весело проводит время в кафе. Иgraются свадьбы и устраиваются вечеринки. Вокзалы и транспорт тоже работают по расписанию. Поэтому на моих приготовлениях к известному событию наша специфическая обстановка, к счастью, никак не отражалась.

Когда со списками, вещами, бронированием санатория и покупкой обратных билетов было покончено, мне захотелось поподробнее узнать, чем живёт город, занимающий в последнее время мои мысли. Как известно, лучший способ навести ясность в подобных вопросах — это посещение местных пабликов и каналов в интернете. Подписавшись на несколько самых крупных, я неожиданно погрузилась в атмосферу тревожного ожидания очередного наводнения. Мой ненаглядный Иртыш готовился показать свой характер. Как выяснилось, делает он это регулярно. И если не каждый год, то с исторически сложившимся постоянством. Многие паблики закрепили на страницах счётчики, круглосуточно показывающие уровень воды в Иртыше.

Власти организовали подвоз мешков с песком к берегу. Команды волонтеров укладывали эти мешки по подобию забора вдоль реки. Периодически по громкоговорителям включали оповещение об опасности затопления... Стало даже как-то не по себе. И я решила написать дяде Олегу — узнать, что там у них. Он уже был в дороге домой с вахты, и на мои вопросы о наводнении и «тревогах» ответил одним словом: «Подстраховываются». А следом уверил, что к нашему приезду «всё будет норм».

Сегодня на календаре 25 июня, и я могу подтвердить, что прогноз коренного омича полностью сбылся. Иртыш окончательно вернулся в свои берега, наводнение в прошлом, и, судя по публикациям местных новостей, последствия в городе уже устранили.

А мы приближаемся к символической границе Европы и Азии.

Пейзаж за окном заметно изменился. С высокой железнодорожной насыпи открываются картины немислимой красоты. Огромные приземистые холмы сплошь покрыты густыми ельниками, будто мохнатым тёплым пледом. А может, так выглядят Уральские горы? Эти пушистые холмы плавно набегают один на другой, словно застывшие исполинские волны малахитового цвета. Местами их прорезают каменистые

обрывы, по уступам которых, стремительно петляя, бежит какая-нибудь узкая речушка. И от этого зрелища у меня просто захватывает дух. Камера телефона вновь и вновь пытается запечатлеть хоть что-то, но в недрах маленького цифрового аппарата теряется самый важный компонент — какая-то незримая суть, душа этих мест. Её можно только почувствовать, только коснуться вживую — хотя бы взглядом.

Виды за окном постепенно приобретают привычные черты цивилизации. Мы подъезжаем к столице Урала. В Екатеринбурге нас ждёт большая стоянка — почти два часа. К составу будут прицеплять дополнительные вагоны. Это нам объяснила проводница Эля. Очень расторопная девчонка, студентка. На вид ей не больше восемнадцати. Сказала, что подрабатывает уже второе лето, ездит от Москвы до Омска. Одна, без сменщика на таком длинном маршруте в двое суток! И всё сверкает у неё, всё убрано, даже с пылесосом в каждое купе заходит по два раза в день. А стоило нам заикнуться про слишком холодный поток воздуха из кондиционера — мигом притащила лестницу, вскочила под потолок и капитально замотала все щели простынёй. Так что теперь мы едем в полном комфорте. Надо будет обязательно написать ей хороший отзыв.

Вагон, кстати, в этом фирменном поезде немало меня удивил — такого отчаянного ретро я уже давно не встречала. Если бы не технические новшества, только что нейтрализованные при помощи постельных принадлежностей, то мож-

но было бы подумать, что он впервые встал на рельсы ещё в начале 80-х, а то и раньше. У меня даже мелькнула мысль, что раз уж я еду на встречу с прошлым, то вот жизнь и организовала мне максимальное погружение в соответствующую атмосферу.

А попутчицы нам тоже попались интересные. Две девчонки — тринадцати и пятнадцати лет. Едут к бабушкам — Полина в Екатеринбург, а Лиза в Омск. Прямо настоящий «де-сант внучек». На вопрос, какие планы на каникулы, они ответили чуть ли не хором: «Бабушке помогать!» И от этих слов у меня прямо ёкнуло внутри. Помню, моя бабуля никогда не просила о помощи, но почему-то именно для неё мне всегда особенно хотелось что-то сделать, даже прополка грядок радовала.

...Но вдруг наш поезд начинает плавно замедляться, а затем и вовсе замирает. За окном ни платформы, ни знакомой паутины переплетающихся маневровых путей. Лишь те же растрёпанные ёлки да берёзы, подступающие почти вплотную к составу. И стоим... Почему?

Детишки повыбежали в проход вагона и прилипли к окнам, пытаясь угадать причину внезапной задержки. А кто-то из пассажиров, видимо проезжающий тут не впервые, сказал: «Это теперь надолго. Эшелоны с военной техникой пропускаем».

В Екатеринбург мы прибыли почти на час позже, как и предсказал тот бывалый попутчик. За окном хмурое небо и мокрый асфальт. Люди на платформе в толстовках и свитерах — чувствуется суровое уральское лето.

Стоянка длинная, и наш вагон быстро опустел.

Решили прогуляться и мы. Натянули на себя предусмотрительно припасённые тёплые вещи и всем нашим девичьим составом выползли на перрон. Полина сразу попала в объятия шумной компании детей и взрослых — её встречали родственники. Мы же втроём направились к выходу на привокзальную площадь — поглазеть на сувениры и выпить какао из автоматов. Час стоянки пролетел быстро.

Следующая крупная станция — Тюмень.

В сумерках за окном едва различимы строгие очертания вокзала. Новые пассажиры толпятся у входа в вагон, стремясь поскорее покончить с дорожной суетой и наконец-то уютно растянуться на своей полке с белоснежными простынями.

И вот наш маленький поезд, плавно набирая ход, ныряет в темноту сибирской ночи. Огни платформ мелькают в тёмных окнах и остаются далеко позади. Эля погасила в вагоне верхний свет. Девчонки, утомившись от дорожного безделья, быстро заснули. Да и мне не мешает выспаться перед завтрашним волнительным днём.

Мы прибываем в Омск ранним утром, в то время, когда

в Москве и Курске ещё ночь. Нас обещали встретить, хотя я и пыталась отказаться. Неудобно доставлять столько беспокойства людям, которых ты фактически не знаешь. Мы могли бы поехать сразу в санаторий и увидаться уже на следующий день. Но дядя категорически отверг этот вариант. Что ж, думаю, так даже лучше — познакомимся сразу. Только вот я приготовила всем подарки, которые уже ждут меня в пункте выдачи Озона. А он — логично — закрыт в столь ранний час. Ну да ладно. Думаю, это вполне уважительная причина появиться на пороге без гостинцев. Подарю всё при следующей встрече.

...Да, надо поскорее заснуть, для завтрашнего дня понадобятся силы. Я завела будильник на 5:00 по местному времени, чтобы не спеша собраться.

Яркие отблески фонарей на мелких полустанках время от времени вспышками озаряют купе, которое уже кажется почти родным. Поезд несётся так быстро, словно пытается обогнать время, с каждой минутой приближающее рассвет.

Я чувствую себя ребёнком, застывшим в ожидании волшебства на пороге сказочной страны. Моя мечта вот-вот осуществится. И осознание этого, как заразительная мелодия, заставляет мысли снова и снова кружиться в бессонном танце. Я думаю о тех родных и незнакомых людях, с которыми мне предстоит скорая встреча. В голове по непонятной причине возникает идеальная картинка. Мне кажется, что в бабушкиной большой семье все обязательно должны быть в

чём-то на неё похожи. Пусть даже незначительно. И у этих людей непременно должно быть доброе сердце.

Наверное, такие наивные мысли недопустимы для женщины, приближающейся к полувековому рубежу. Но, во-первых, как ни странно, я себя таковой не ощущаю. А во-вторых, даю себе трезвый отчёт, что подобные ожидания не имеют ровно никаких оснований. И, более того, непростительны для столь рассудительного человека, как я. Поэтому я всеми силами стараюсь ничего не ждать и уж тем более не строю планов, связанных с другими людьми. И в который раз повторяю: «Я сама по себе. И мои желания не могут касаться никого, кроме меня». Это значит, я должна быть в состоянии не только передвигаться со всем своим багажом без посторонней помощи, но и организовать от начала до конца задуманное, будь то поиски могил или посещение Крапивино. Если мне в этом помогут — хорошо. Если нет — это абсолютно нормально. У каждого своя жизнь, свои дела, планы и приоритеты.

Кроме того, я действительно не знаю этих родственников, включая дядю Олега — несмотря на наше заочное знакомство и редкое общение в переписке. Даже на этих пяти фотографиях он выглядит совершенно по-разному. Да с чего я взяла, что ему вообще можно доверять? Сумасшедшая какая-то... Вот что можно подумать о человеке, если он разводится на старости лет? Я, например, не знаю ни одного пенсионера, который бы решил вдруг так резко изменить свою

жизнь. О чём это говорит? О том, что непонятно, чего от него ждать. Вот обещал нас в деревню отвезти. А между тем я даже не имею представления, как он водит машину. Может, он лихач. Да мало ли что...

Новая родня

Будильник не понадобился. В 4:55 глаза открылись сами. Сна как не бывало.

В окно хлещет ливень. Настырный ветер лихо стирает со стекла потоки воды. Вот так встречу устраивает нам мой «город мечты»! Яндекс пишет, что за бортом +14 — ещё лучше!

«А ты что думала, в сказку попала? — с хитрой улыбкой шуруется загадочный Омск. — А я вот такой! Нравлюсь?»

«Нравишься!» — упрямо улыбаюсь я в ответ. И извлекаю из стратегических запасов в рюкзаке наши с Маруськой дождевики.

Мы уже закончили обычные утренние процедуры и отнесли Эле постельное. Осталось только надеть на себя все имеющиеся в наличии тёплые вещи — и мы готовы к любым сюрпризам, которые ещё задумал сегодняшний день.

«Ну, ладно, ладно... Не такой уж я и злой», — поверил в нашу решимость Омск, и дождь за окном внезапно прекратился. Видимо, поезд выскочил из-под тучи.

До прибытия ещё десять минут. В проход полупустого вагона уже выкатили свои чемоданы наши попутчики. Так что выйти из купе невозможно.

Лиза, спавшая до последнего, пулей рассовала по карманам своей необъятной сумки оставшиеся мелочи, натянула на голову капюшон толстовки и, воткнув наушники, смотрит

в окно. Её будет встречать дедушка.

Поезд совсем сбавил ход. По обеим сторонам за окнами вагона потянулись подсобные постройки вокзала.

Кажется, я волнуюсь... В районе солнечного сплетения разливается знакомый холодочек. Я ещё раз пересчитала все наши сумки и окинула взглядом резко ставшее неудобным оголённое купе. Вроде бы ничего не забыли. Наверное, надо позвонить дяде Олегу — сказать, что приехали. Беру в руки телефон. Или не надо звонить?.. Я же ему вчера отправила скрин своего билета — там всё указано...

Поезд медленно плывёт вдоль платформы.

Толчок — и остановка.

Ну вот мы и приехали.

В следующую секунду раздаётся характерный металлический лязг — Эля открыла двери вагона и опустила подножки. Чемоданы в проходе медленно потянулись мимо нашего открытого купе. Придётся их все пропустить — иначе не выйти.

И тут телефон в моих руках неожиданно громко звонит. Дядя Олег!

— Света, привет! Вы приехали? — слышу его бодрый голос в трубке.

— Да. Здравствуйте! Вот только остановились.

— Сейчас подойду, — говорит он по-деловому, и звонок обрывается.

Вереница чемоданов наконец-то иссякла. В наше купе

сразу просунул голову мужичок с бородкой:

— Лиза! Ну чё ты сидишь-то? Которая твоя сумка?

Лиза мгновенно вскакивает, выдёргивая наушники:

— Деда! — радостно чмокает мужичка в щёку и, подталкивая к выходу свой багаж, на секунду оборачивается к нам.

— До свиданья! Хорошо провести время!

— И тебе! — только успеваю сказать я, застёгивая дождевик Марусе.

Выглядываю из купе. Похоже, мы остались одни. И только собираюсь надеть свой рюкзак, как в узком проходе вагона, пригибаясь и оглядываясь, чтобы ненароком ничего не задеть, появляется огромный дядька в свободной белой рубашке навывпуск, на манер южно-пляжной одежды. Мгновенье он смотрит на меня пристально, и я, практически интуитивно уловив знакомые черты, понимаю, что это и есть дядя Олег, только... он как-то совсем не похож на свои изображения.

— Кажется, вы за нами! — выдаю я с лучезарной улыбкой.

Тут он тоже улыбается, сверкнув идеально ровными белыми зубами, совсем как тот казак на фото:

— Ну чё стоите-то? Где сумки? — голос громкий, с характерными сибирскими интонациями.

И, не дожидаясь ответа, хватает наши неподъёмные рюкзаки, словно пушинки, и с теми же предосторожностями пробирается к выходу. Я следом качу Марусин чемоданчик и ташу саму Марусю, которая, кажется, так до конца и не

проснулась.

Наконец мы на перроне.

На фоне серого промозглого утра и людей в ветровках дядя Олег — высокий и широкоплечий, в своей белоснежной муслиновой блузе со шнуровкой на вороте — выглядит прямо как русский богатырь с картинки в книжке. Он забрал у меня чемодан и шагает впереди энергичной походкой, ведя к стоянке, где оставил машину. А мы с Марусей, стараясь смотреть под ноги, чтобы не угодить в постоянно возникающие по пути огромные лужи, почти бежим вслед за ним. И на ходу я тщетно пытаюсь сообразить: а где же, собственно, пенсионер, к которому я ехала?..

— Вы как, есть-то сильно хотите? А то ещё придётся прокатиться по городу — нам на другой конец. Но пока везде пусто, быстро должны управиться, — начинает разговор дядя Олег, загружая наши вещи в багажник такого же огромного, как он сам, кроссовера густого винного цвета.

— Нет, совсем не хотим! — отвечаем мы с Марусей.

— Ну, отлично. Сейчас по пути покажу вам немного, что где у нас.

Я сажусь впереди рядом с водителем. Какое же тут всё большущее! Раньше мне никогда не доводилось бывать в салоне подобных автомобилей. Это прямо целый дом на колё-

сах, даже телевизор есть! Маруська на заднем сиденье уже принялась изучать всякие интересные приспособления.

— Мама, мама, — шепчет она мне, — смотри, что тут есть!

— Маруся, не трогай ничего, сиди спокойно, — пытаюсь я умирить свою любопытную дочь.

— Да ладно, там нечему ломаться-то, — успокаивает меня дядя, и мы начинаем первую экскурсию по Омску.

— Вообще, город у нас большой. Но центр довольно компактный, весь вдоль реки. И захочешь — не заблудишься, — приступает к миссии гида дядя Олег, едва мы трогаемся с места. — Вон там Иртыш, — показывает он в сторону. — Мы сейчас на правом берегу. И здесь большая часть города. Музеи, памятники, театры — всё тут. А на левом в основном новостройки и торговые центры. Омская крепость тоже была с этой стороны. Точнее, две крепости. От первой-то совсем ничего не осталось, а от второй есть какие-то здания. А в крепости острог был, каторжников ссылали. Достоевский здесь у нас сидел, знаешь?

— Знаю, конечно. И музей ещё есть, читала. Очень хотелось бы побывать, — отвечаю я, довольная, что не зря заранее изучала основные достопримечательности Омска.

— Мы сейчас едем по проспекту Карла Маркса. Он идёт от вокзала до Оми, — продолжает знакомить нас со своим городом дядя.

А улица за окном мгновенно погружает меня во време-

на советского детства — милые глазу пятиэтажки с магазинами внизу, стоящие почти вплотную к проезжей части. Город с первых минут вызывает уютное чувство с примесью ностальгии, как маленькие комнаты в бабушкиной квартире, обставленные в шестидесятых, и с тех пор ни разу не менявшие своего интерьера. Там как будто замирает время.

— Смотрите, справа наш цирк. В прошлом году отмечали ему сто двадцать пять лет... Маруся, любишь цирк? — спрашивает дядя Олег у моей егозы, глядя в зеркало заднего вида.

— Дааа! — сразу же отзывается Маруся.

— А за ним театр кукол, он у нас очень большой.

И я издалека уже замечаю необычное яркое строение с надписью «Арлекин» под самой крышей.

Машина быстро движется по пустому проспекту.

Цепочка пятиэтажек прерывается, уступая место грандиозному зданию с колоннами и статуями в античном стиле.

— Университет путей сообщения, — поясняет наш гид. — А раньше было Управление железных дорог.

Наверху между статуй я замечаю высеченные на камне даты постройки 1914–1917. Надо же, здание — ровесник Октябрьской революции.

Мы мчимся дальше. Я только успеваю крутить головой, пытаюсь уловить как можно больше интересных деталей. Даже удивительно — чувствую себя так, будто не было ни двух суток, ни практически бессонной ночи в поезде.

— Слева сейчас будет наш омский арбат — пешеходная улица Чокана Валиханова, — дядя уже явно увереннее ощущает себя в роли экскурсовода.

— А кто такой Чокан Валиханов? — спрашиваю я, чувствуя пробел в своих знаниях о местных знаменитостях.

— Сын казахского султана, дюже умный был парень. Окончил наш кадетский корпус. Чем только не занимался: и путешественником был, и историком, и разведчиком... Дружил с Достоевским. А умер молодым... от чахотки что ли... Такая судьба.

— Даа уж... Никогда о нём не слышала, — размышляю я вслух. — Надо будет почитать, интересно.

Тем временем мы сворачиваем налево и почти сразу направо. Мой взгляд тут же притягивает современное здание внушительных размеров явно культурного назначения.

— Это филармония. Сто лет там не был, — продолжает свою нехитрую экскурсию дядя Олег. — Кстати, мы сейчас едем по улице Ленина. Наверно, в каждом городе есть улица Ленина...

А привычные советские хрущёвки вдоль дороги уже сменились более солидными примерами архитектуры прежних времён. Минута — и подъезжаем к мосту.

— А вот и Омь. Слева видно, как она впадает в Иртыш, — комментирует дядя.

И я только краем глаза выхватываю вдалеке полосу песчаного берега в обрамлении густой зелени деревьев. «Сего-

дня я наконец-то его увижу», — думаю я со счастливым умиротворением и мысленно улыбаюсь.

— Кстати, на другой стороне не берег Иртыша, а остров. У нас его называют Буян, — продолжает рассказ о местных достопримечательностях дядя Олег.

— Прямо как в сказке, — весело подаёт голос с заднего сиденья Маруся.

«Да, сказка определённо присутствует», — соглашаюсь я с дочкой в мыслях, и настроение у меня улучшается вдвойне.

На выезде с моста, как в подтверждение наших с Марусей догадок, стоит абсолютно сказочный теремок, а дорога расходится ровно на три стороны. Мы останавливаемся на светофоре.

— Это часовня. Ещё до революции была построена, в честь рождения царевича Алексея, что-то такое... Я не особо силён в этом плане... — угадывая наш интерес, рассказывает дядя. — А мы сейчас прямо поедем — по Любинскому проспекту. По праздникам у нас его перекрывают, мероприятия всякие устраивают.

И мы въезжаем на улицу почти шкатулочной красоты. Вокруг двухэтажные здания прошлых столетий: разноцветные, но не яркие, с белоснежной лепниной и изумрудными крышами. Наверху — башенки и миниатюрные купола со шпилями. Вдоль дороги за невысокими коваными оградами выстроились изящные деревца с аккуратными кронами. И как последний штрих — фонари под старину на ажурных крон-

штейнах. Так и кажется, что сейчас из переулка не спеша повернёт элегантный экипаж с барышней под кружевным зонтом, и по пустой улице покатится гулкий цокот копыт.

Впрочем, барышня здесь где-то тоже должна быть. Я читала об этой улице. «Любинский проспект» — это народное название. В честь Любы — молодой жены генерал-губернатора Западной Сибири[5]⁵, при котором Омск начал преображаться из мрачного места ссылки каторжников во вполне благоустроенный по тем временам город. Любочка прожила тут всего полтора года и умерла совсем молодой. Так что история эта весьма печальная. Но жители так полюбили юную супругу губернатора, что её именем назвали и рошу, и главную улицу.

— Про нашу Любочку-то тоже, наверное, читала? — опять угадывает мои мысли дядя Олег. — Сейчас будем проезжать памятник.

И он сбавляет скорость, чтобы мы с Марусей смогли рассмотреть сидящую на лавочке в тени деревьев девушку в пышном платье с миниатюрной книжечкой в руке.

А дорога тем временем поднимается вверх, вынося нас из уюта купеческой улицы на большое открытое пространство.

— Слева сейчас будет драмтеатр, а напротив — художественный музей, — предупреждает наш гид.

Но я уже не могу оторвать взгляд от здания театра, ко-

⁵ Гасфорд (Гасфорт) Густав Христианович (1794–1874 гг.) — генерал-губернатор Западной Сибири в 1851–1861 гг.

торое ещё издалека кажется царским дворцом. Изумрудное убранство кровли точно совпадает с другими строениями на Любинском, но лепнина на фасадах здесь гораздо сложнее: с барельефами, нишами, колоннами... Да, я видела омский театр на фото. Но вживую он ещё больше впечатляет своей совершенно ювелирной отделкой. Как дорогая игрушка великана, бережно поставленная им в этот уголок города — просто для красоты. И кажется удивительным, что это чудо можно даже «потрогать» — зайти внутрь...

Однако наша автомобильная экспресс-экскурсия не даёт мне возможности погрузиться в эти эстетические переживания слишком глубоко — ведь за поворотом уже ждут новые.

Перед нами на фоне низкого пасмурного неба вдруг возникает храм несказанной красоты. Он стоит посреди площади и выглядит издалека будто парит в воздухе. А его огромный золотой купол-маковка сияет так, словно собрал и сохранил все лучи скрытого за облаками солнца. Невероятная картина!

— Наш главный собор, — по-простому комментирует дядя.

От избытка впечатлений у меня уже начинает кружиться голова. А может, всё-таки даёт о себе знать бессонная ночь.

— Мамаа... а мы скоро приедем?.. — словно озвучивая мои собственные мысли, с лёгкой мученической интонацией спрашивает Маруся.

— Скоро, уже совсем немного осталось, — отзывается

единственный владеющий данной информацией человек.

Тем временем мы уже едем по широкой улице с размашистой застройкой в стиле «позднего СССР».

— А сейчас будет станция метро, которого нет, — с грустной иронией в голосе объявляет дядя. — Вон буква «М» над входом в подземный переход, видите? Строили, строили, да так и не построили...

Машина летит по пустой улице. Дома на некоторое время сменяются чем-то наподобие парковой зоны — вероятно, мы приближаемся к окраине. Но впереди снова показываются силуэты зданий, а дорога превращается в мост над автострадой.

— Туда дальше район, где я сейчас живу, — показывает дядя на уходящую вправо магистраль под мостом. — А мы почти приехали. Не проголодались ещё? Бабушка уже зажда-лась, наверное. Готовит для вас что-то...

И я ловлю себя на чувстве, будто знакома с человеком, который ведёт машину, лет сто, и вообще в гостях не первый раз. Даже собственные недавние мысли о полной автономии начинают казаться противоестественными. Надо же, нас ждут... готовят...

Район, в котором живёт Надежда Петровна, называется Городок Нефтяников, или просто Нефтяники, как нам его

представил дядя Олег. Для места, где должна проходить повседневная жизнь людей, такое индустриальное наименование звучит не очень-то вдохновляюще. Но, вероятно, только с современной точки зрения. А в СССР всё было просто и без затей. Есть нефтеперерабатывающий завод и есть его работники-нефтяники — а значит, вопрос о выборе названия закрыт. Так, наверное, это выглядело. Люди занимались делом: одни работали на заводе, а другие строили дома. Специальной должности по выдумыванию названий не было, и всех это устраивало. Поэтому Нефтяники были и остаются Нефтяниками.

Район этот с первого взгляда показался мне очень атмосферным. Соседство пестреющих вывесками коробок торговых центров, внушительных зданий университетов и разнообразных непрезентабельных хрущёвок смотрится необычно, но в то же время весьма живо — чувствуется энергия взаимодействия времени и поколений.

Мы заехали во двор одной из пятиэтажек. Разбитый вхлам асфальт, некошенная трава и согнутые ржавые турники и лесенки времён моего детства напомнили тревожную неустроенность девяностых.

Дядя Олег припарковал свою красивую машину прямо среди огромных рытвин и луж напротив подъезда и помог нам с Марусей выбраться, чтобы мы случайно не угодили в грязь. Наши вещи доставать не стали — всё равно ведь скоро ехать в санаторий.

Квартира дядиной мамы на первом этаже. «Удобно для пожилого человека», — почему-то сразу отметила я про себя.

Звонить в дверь не пришлось — она распахнулась, едва мы поднялись по ступенькам.

— Ох, и куда же-то вы запропались?! — доносится громкий женский голос с знакомой хрипотцой из тёмного коридора. И практически сразу с порога я попадаю в крепкие объятия Надежды Петровны.

— Мама, свет-то хотя бы включи, — деловито-усталым тоном говорит дядя Олег и сам щёлкает клавишей включателя.

Я вижу перед собой крупную и довольно высокую пожилую женщину с массивным лицом и редкими почти полностью белыми короткими волосами. Секунду она смотрит на меня с нескрываемым любопытством и сразу же заключает:

— Ох, какая же ты худенькая! Совсем как Таня!.. Так, пока не поправишься, мы тебя не отпустим!

— Ничего не выйдет, Надежда Петровна, — поддерживаю я её добродушно-весёлый тон, — ещё никому не удавалось меня откормить.

— Ну, это мы посмотрим! — тут же парирует она, и мы вместе смеёмся.

— Так, мама, хватит болтать! Люди голодные, два дня в поезде ничего не ели, а ты тут разглагольствуешь! — наро-

чито-командирским тоном говорит дядя Олег, при этом лицо его остаётся абсолютно серьёзным. Он легонько подталкивает меня поскорее проходить к кухне:

— Давай, давай, мой скорее руки!..

Я держу наши с Марусей толстовки, думая, куда же их лучше деть.

— Да клади прямо здесь, — дядя Олег забирает у меня одежду и пристраивает на длинную банкетку в прихожей.

С кухни уже доносятся вкуснейшие запахи. И это даже не привычная утренняя яичница. Надежда Петровна выкладывает в глубокие тарелки большущие аппетитные голубцы. Никогда в жизни не ела голубцов на завтрак! Да я вообще уже не помню, когда их ела — всегда лень возиться. А ведь это одно из моих самых любимых блюд.

На крохотной кухне совсем мало места. За столом с трудом помещаются трое. Дядя Олег сразу же объявляет а вообще у него какие-то дела и надо отъехать ненадолго. И уже собравшись уходить, он внезапно останавливается и говорит, обращаясь ко мне:

— Так, я вот что подумал. Вы тут пока ешьте, а я вернусь через час-полтора, и поедem на дачу, мне кое-что отвезти туда надо. Побудем там немного, и к двенадцати как раз докину вас до санатория — там рядом, пара километров всего. Согласны?

— Конечно, согласны. Как вам будет удобно, — сразу же отвечаю я.

Мы остаёмся втроём.

Надежда Петровна суетится, ставит чайник, режет хлеб и всё время что-то говорит.

— Вы ешьте, ешьте, — повторяет она, — не ждите меня. Я сейчас только чашечки достану...

— Обожаю голубцы! Уже сто лет не ела, — с этими словами я отрезаю кусочек и кладу в рот... Мамочки мои! Он солёный — просто жуть! Вот это да... Правда, к счастью, есть его всё же можно, хотя и с трудом. Смотрю на свою Маруську, которая управляется с огромным голубцом, будто в жизни ничего вкуснее не ела. А она у меня та ещё привередница. «Странно, — думаю, — её ведь сроду не заставишь есть то, что невкусно. Может, это только мне такой попался? Или они тут просто очень любят солёное и всегда так готовят?»

Надежда Петровна наконец поставила всё на стол и, продолжая меня расспрашивать, как доехали, да какая у нас там в Курске обстановка, тоже пробует свою стряпню. Несколько секунд она смотрит на содержимое своей тарелки и в задумчивости заключает:

— Кажется, я два раза их посолила...

И переводит взгляд на нас с Марусей.

Моя дочь тем временем уже прикончила свою порцию, залпом выпила весь чай и громким голосом паиньки выпалила:

— Большое спасибо! Всё было очень вкусно! А можно я

теперь посмотрю книжки из вашего шкафа?

И когда она уже успела заметить свои любимые книжки? Ни шагу без книжек. Вот такое у меня счастье — читающий ребёнок.

— Да, конечно, моя ягодка, смотри, — тут же получает разрешение хозяйки Маруся и убегает из кухни.

А я пытаюсь успокоить расстроенную своим кулинарным провалом Надежду Петровну:

— Да, чуточку лишнего соли, но это ерунда. Всё равно очень вкусно. Да я вообще солёное люблю, всё досаливаю обычно. Так что всё в порядке.

Желая поскорее оставить в прошлом эту досадную оплошность, Надежда Петровна быстро убирает наши пустые тарелки в раковину и зовёт меня в комнату посмотреть семейные альбомы. По ходу она интересуется, надолго ли мы приехали и, узнав, что всего на девять дней, начинает охать:

— Да что ж так мало-то? Может, поменяете билеты? А то ведь и не успеем толком пообщаться...

Но я объясняю, что ничего поменять уже невозможно, так как в их дальние края билеты раскупаются за считанные дни.

И тут мы заходим в комнату, которая по своему состоянию скорее напоминает большую кладовую, чем жилое помещение. С одной стороны напротив окна стоит огромный диван, а вдоль двух других — масса самых разных вещей: два холодильника, швейная машинка, два стола, загромож-

дённных коробками, какие-то тюки, походное снаряжение и много всякой дребедени.

— Не обращай внимания. У нас тут такой склад. Кристинкины вещи да Олега. Они ж как развелись почти одновременно, поуходили из квартир... А куда добро-то девать? Вот у меня места много — всё и посложили.

Я сажусь на диван, а Надежда Петровна начинает рыться в глубинах какого-то шкафчика, видимо, в поисках альбомов, и продолжает:

— Ой, Олег так тебя ждал, так ждал... Ты не смотри, как он ведёт себя... уехал сразу куда-то... А то ещё подумаешь, что ему всё равно. Нет — он совсем другое чувствует. Знаешь, как он обрадовался, когда ты позвонила ему в День рождения! Пришёл ко мне с утра на следующий день и говорит прям с порога: «Ну что, мать, Бог услышал твои молитвы. Теперь у меня есть сестра». Он ведь с детства мечтал, чтоб сестра у него была младшая. А я-то аборт сделала через год, как он родился. Да молодая была, девятнадцать лет — ума нет... что говорить... И больше-то не забеременела... А теперь вот помру, а он один останется — и никакой родной души рядом. Дети — они что? Дети — это дети, у них своя жизнь молодая. А сестра — совсем другое дело. У вас же и разница в возрасте не такая большая. Тебе вот сколько сейчас?

— Сорок семь через месяц, — отвечаю я, немного ошеломлённая таким потоком информации.

— Вот, всего на десять лет младше.

— В смысле — десять? — тут я начинаю понимать, что, кажется, по какой-то причине ошиблась в своих предположениях, думая, что дядя Олег почти ровесник моего отца. — Это ему сейчас пятьдесят семь, получается?

— Да, вот исполнилось в феврале.

Я даже как-то растерялась. Так вот почему он не похож на пенсионера...

Надежда Петровна уже уселась рядом со мной с кипой альбомов, но не спешит их открывать, а продолжает говорить о сыне и его отношении к моему визиту:

— О, видела рубаху-то на нём? Это он для тебя нарядился. Выписал её из Китая. Сейчас так модно, наверно, выписывать всё через интернет. По мне так ерунда какая-то, а не рубаха... И на кого только похож...

— Да что вы, Надежда Петровна, рубаха классная. Мне очень понравилась. И ему идёт, — немного переведя дух, пытаюсь я реабилитировать обновку дяди Олега, тем более что смотрится она на нём весьма эффектно, и я ничуть не покривила душой.

— Ну да ладно... Вам, молодым, виднее, — соглашается моя разговорчивая родственница и открывает первый альбом.

А дальше... Дальше я погружаюсь в пучину семейных историй, многие из которых явно не для ушей человека, которого увидел впервые лишь час назад. Но Надежда Петровна почему-то считала иначе. И я узнала о том, что она из

очень бедной деревенской семьи, и у неё было две сестры, Тася и Рая. И буквально две недели назад Рая умерла, а с Тасей они никогда дружны не были... И что замуж за дядю Юру она вышла в восемнадцать лет по большой любви и всю жизнь одного его любила. А разница в возрасте у них была довольно значительная — почти двенадцать лет. Дядя Юра был очень хорош собой и не отличался ангельским поведением. Вследствие чего то и дело заводил женщин на стороне, о чём Надежда Петровна знала, но терпела, потому что, во-первых, любила, а во-вторых, идти ей было некуда, если только возвращаться обратно в тесный родительский дом... А когда появился Олежик, дядя Юра забрал из деревни свою маму, чтобы и сына в ясли с двух месяцев не отдавать (раньше декрета ведь почти не было), и мама старенькая вроде как под присмотром... Роды у Надежды Петровны были очень тяжёлые. Думали, что умрёт или мать, или младенец, но чудом все выжили. Она потому и аборт через год сделала, что боялась повторения тех ужасов... Жизнь со свекровью оказалась не сахар. Слова доброго невестка от неё не слышала — одни придирки. И вот баба Настя и растила Олежика, считай, с рождения. А Надежда Петровна в то время работала на двух работах. Официально была медсестрой в мужской колонии, а кроме того, ещё делала массажи на дому. И от такой жизни тяжёлой стала она сильно болеть, лежала в больницах и перенесла множество операций.

— Ах, Света, знала бы ты, сколько всего я пережила!.. —

вздыхала Надежда Петровна.

А у меня от такого оглушительного потока откровений даже и слова все позабывались. Стало так её жалко... Вот ведь какая судьба. Бедная женщина. И выговориться некому ей — совсем одна. Сын ведь тоже не поймёт...

— А что же внушки ваши, приходят к вам? — спрашиваю я в надежде, что есть хоть какое-то светлое пятно в её жизни.

— Да никому я не нужна теперь. Раньше-то всё нормально было. А как Олег развёлся с Маринкой, их как подменили. Видать, мать чего-то насочиняла про меня, голову забила. Так они теперь говорят, что и я не бабушка им вовсе, раз отец ушёл. А он ведь им помогает, всю лишнюю копейку отдаёт. Да с ним-то они нормально общаются. А меня и знать не хотят. И не звонят неделями.

Мне стало так больно внутри, аж сжалось всё. И никак не могу понять, откуда же столько несчастий на одного человека? А самое ужасное, выходит, что как раз именно мои родные — прабабушка Настя и дядя Юра, которого я помню лишь по чудесным дням детства, в этом виноваты. Вот уж не ожидала я такого поворота. Ну, что же делать, все люди живые и грешные. И почему я вдруг решила, что моя родня чем-то отличается?..

А Надежда Петровна, между тем, продолжала погружаться в свои воспоминания. Открывая следующую страницу альбома с чёрно-белой фотографией, где бабушка Настя дер-

жит на руках маленького Олега, она стала рассказывать очередную историю того, как несправедливо обходилась с ней свекровь. И за волосы таскала, и обзывала, и перед мужем оговаривала.

Слышать, что твои родные причиняли кому-то столько боли, невыносимо тяжело. Внутри всё будто сопротивляется этому знанию, но в то же время невозможно не верить в искренность сидящего рядом человека. К тому же мне, как никому, известно, на что бывает способна свекровь. От всех этих захлёстывающих эмоций на глаза стали наворачиваться слёзы.

— Простите её... — говорю я тихо, почти умоляя. — Простите, пожалуйста...

Надежда Петровна отрывает взгляд от альбома и, смотря прямо перед собой, произносит, словно обращаясь не ко мне:

— Я простила. Давно уже простила.

Мы сидим несколько секунд молча.

И тут, будто хлопнув книгу воспоминаний в своей голове, она поворачивается ко мне и говорит уже совершенно иным, лёгким, даже каким-то азартным тоном:

— Слушай, Света, а попроси Олега взять меня тоже на дачу. Я так давно там не была, а мне очень хочется. Меня он не слушает, а тебе не сможет отказать.

Я удивляюсь такой странной просьбе и сложностям в общении матери с сыном:

— А почему же он вас не берёт?

— Да там дама его хозяйничает — повырубила все деревья, что мы с Юрой сажали. Я как увидела это в прошлом году, мне аж плохо стало. И с тех пор он меня туда не возит.

Тут я совсем ничего не понимаю и опять спрашиваю:

— А дача чья?

— Дача моя, — отвечает Надежда Петровна, — но из меня-то уж работник никакой. Вот Олег и занимается сам всеми делами. Привёз эту свою, а она ему и велела все деревья порубить и другие посадить. Так они пока ещё вырастут... А у нас там и вишня была чудесная, и груша, и две яблони через год плодоносили...

Я совсем впадаю, как это говорится, в «когнитивный диссонанс», но мой вопрос «Как???...» повисает в воздухе, потому что на пороге появляется дядя Олег.

— Ну что вы, готовы? — слышу я из прихожей его громкий голос в спешаще-деловом тоне.

— Попроси, попроси... — шепчет Надежда Петровна, слегка толкая меня в бок локтем.

Дядя заглядывает в комнату.

— Дядя Олег, да вот ваша мама говорит, что тоже хочет с нами прокатиться, — начинаю я с улыбкой и внезапной уверенностью в своих способностях исполнять чьи-то желания. — Давайте возьмём её с собой.

Пауза. Дядя несколько секунд смотрит с абсолютной серьёзностью на нас с Надеждой Петровной, как будто пытается

ся просветить насквозь. И, видимо, понимая, что вариантов для него уже не существует, с тем же невозмутимым видом произносит:

— Эх, ну чё вот с вами делать, заговорщики?..

И обращается к матери тоном взрослого, который по случаю хорошего настроения решил осчастливить чадо покупкой желанной игрушки:

— Собирайся давай. Только живо!

— Да, да, я мигом! — и Надежда Петровна на своей максимально возможной скорости удаляется подбирать подходящий случаю костюм.

Дядя Олег отодвигает стопку альбомов и садится рядом со мной. На мгновение пространство заполняет странная тишина.

— Я живу сейчас с женщиной, — как будто в размышлении говорит он, — но не хочу оформлять с ней отношения...

Выбор такой тематики застаёт меня немного врасплох. Но это уже не первое, чему я удивляюсь в доме своих новых родственников, поэтому пытаюсь вести себя так, как и полагается долгожданной сестре.

— Да и правильно, — осторожно выражаю я поддержку решению дяди-брата. — Какой смысл что-то официально регистрировать, когда в этом нет необходимости? Одни сложности...

Но нашей беседе не суждено было продолжиться. Надежда Петровна, собравшись как в армии, пока горит спичка,

уже позвала всех обуваться.

26.06.24

Ну и денёк у меня сегодня! Сразу чувствуется масштаб происходящего. Ну, а что я думала? Наверное, это нормально, когда исполняется «мечта всей жизни».

Вот решила опять завести дневник, потому что просто необходимо зафиксировать и осмыслить всё, что происходит. Дома где-то в шкафу зарыта летопись юности. Перечитывала недавно — прямо путешествие на машине времени. К тому же писать я люблю. Это «моё», как говорится.

Ну что же, начну по порядку.

Приехали ни свет ни заря. По московскому времени так вообще ночь. Дождь хлещет, за окном холодина. Не зря запаслись дождевиками и кофтами. Думаю, Омск решил сразу мне проверку на прочность устроить. Ну, ничего, я не испугалась.

А дальше вообще чудеса пошли. Не знаю, как я считала и почему была уверена, что дядя Олег чуть младше моего отца. Уже неважно. Мало того, что у нас разница в возрасте всего десять лет, так он ещё и ни на одну свою фотографию не похож! А самое классное — сразу возникло чувство, что я приехала к своим. Будто всю жизнь меня тут ждали. Это

было приятно и неожиданно.

Надежда Петровна оказалась очень душевным человеком. Голубцами нас встречала. И как только угадала, что я их обожаю? Они, правда, соленючие оказались. Но ничего, всё равно съели, даже Маруся.

Она вообще меня удивила. Сейчас уже в санатории спрашиваю у неё, понравились ли ей голубцы. А она мне:

— Если честно, то нет. Они ужасно солёные были.

— Так почему ж ты тогда так их ела, что аж тарелку выскребла?

А она:

— Мама, ты что??? Мы же в гостях! Бабушка готовила, старалась!..

Ничего себе, думаю... Это она сама до такой мысли дошла. Значит, наверное, не совсем я негодная родительница, как мне порой кажется. Так что аж гордость какая-то за ребёнка.

Правда, были и другие неожиданности.

Совсем не такие рассказы о своей прабабушке я ожидала услышать. Не знаю, как и выразить, что чувствовала, когда Надежда Петровна стала вспоминать про их совместную жизнь. Просто кошмар какой-то. Но, с другой стороны, бабуля тоже говорила, что мама отличалась тяжёлым характером. Это отец у них был необычайно добрым и бабушка Нюра. Она же фактически и растила всех деток, а мать жила чуть ли не сутками в колхозе — с телятами.

Ну что ж делать, вот прабабушка Настя была такой. Но

ведь и жизнь какая тяжёлая пришлась на её долю... Да что теперь говорить? Я попросила за неё прощения у Надежды Петровны. Надеюсь, она действительно её простила.

На Омск немного посмотрели из окна машины. Интересный город. Центр красивый, как игрушка. Но в то же время местами будто застрял где-то в прошлом, на стыке 80-х и 90-х... И всё равно, такой уютный какой-то... Наверное, потому что напомнил мне детство. Очень хотелось бы походить здесь по улицам. Но не знаю, как получится. Что-то и правда времени мало выходит.

Мы договорились с дядей Олегом, что он будет нас забирать из санатория через день. Съездим на кладбища к его отцу и бабе Насте, встретимся всей семьёй с его дочками — моими троюродными сёстрами. Но тут уже надо подгонять время под их рабочие графики. И когда Николай Трофимович сможет приехать, тоже ещё неизвестно.

Кстати, по поводу деревни. И дядя Олег, и его мама, и Николай Трофимович — все мне в один голос говорят, что там нечего делать и нечего смотреть. Деревни почти нет, и дороги к ней нормальной тоже — болота кругом, да и только. В общем, убедили, что не стоит туда ехать, а лучше ограничиться Тарой, как райцентром. Там есть что посмотреть, и в краеведческий музей можно сходить. Я привезла с собой распечатки с сайта «Память народа» про деда Григория и родного брата бабушки Насти, который был офицером и

даже подвиги совершал — это есть в документах. Дядя Олег предложил сделать копии и отдать в тарский музей.

Вообще дядька мой оказался очень интересным. Вид у него всё время серьёзный и деловой. Но это не мешает ему постоянно шутить, причём с абсолютно каменным лицом. Выглядит это весьма необычно. Иногда и непонятно сразу, пошутил или нет. Да я ведь и его отца помню весельчаком. Наверное, это у них семейное.

Дядя Юра тоже был хорош, как оказалось. Гулёна ещё тот, и вообще некрасиво поступал с Надеждой Петровной. Неприятно было слушать... Хотя, конечно, у каждого своя правда. Подозреваю, что и Надежда Петровна не ангел, но это никак не оправдывает того поведения моих родных, о котором она рассказала. Не буду здесь фиксировать эти моменты. Пусть они затеряются на страницах нашей истории, и останется только светлая память. Наверняка сейчас и бабушка Настя, и дядя Юра уже в другом мире раскаиваются во всех своих недостойных поступках.

Ездили ещё на дачу. Так совпало, что она совсем рядом с санаторием — можно даже пешком дойти.

Дача мне понравилась. Домик аккуратный, на участке порядок. Хотя Надежда Петровна так мне расписала, что я ожидала совсем другую картину там увидеть. Деревьев, правда, маловато — только пара больших яблонь и одни молодые саженцы кругом. Но всё остальное вид имеет ухожен-

ный: грядки чистые, всё подвязано, цветочки посажены, в теплице тоже красота. А самое большое счастье у нас с Марусей было, что клубника у них только началась — и её просто море! А мы-то с ней горевали, что с этой поездкой сезон домашней клубники пропускаем. Обычно ведь в конце июня ездим в деревню наесться любимой ягоды. А в Омске холоднее, и немного позже всё поспевает. Короче, повезло — так повезло. Наелись до отвала сегодня.

Ещё такое чувство непонятное у меня возникло. Даже не знаю, хорошо это или плохо. Будто я прямо с порога оказалась с головой в их семье. И как-то у них тут всё сложно и запутано. Женщина эта, с которой дядя Олег живёт, похоже, персонаж неоднозначный. Надежда Петровна явно настроена негативно. Да и дядя удивил меня сразу разговорами, что не хочет с ней расписываться. Как-то странно это выглядело, особенно в качестве первой темы. Кстати, никто даже и имени её не произнёс.

С дачей тоже непонятная ситуация. Как можно было вырубить деревья без согласия хозяйки, я вообще не представляю. Неужели дядя Олег мог такое допустить?

Надежду Петровну жалко, если честно. Судя по тому, что она стала выкладывать мне свою жизнь, как на исповеди, чувствует она себя крайне одиноко. А про сына столько всего порассказала: и про жён его, и про дочек, и про всё на свете... Очень не уверена, что он хотел бы посвящать кого-то

в такие подробности своей жизни. Но его самого постоянно нахваливает, какой он хороший, да работающий, да заботливый. Ну, а что мать может про сына сказать? Конечно, он у неё самый лучший.

...А мы сейчас заселились, наконец, в санаторий. Пообещали в шикарной столовой. Точнее, это даже не столовая, а ресторан. И выглядит всё соответствующе: лепнина на потолке, картины на стенах, люстры в старинном стиле, стульчики с фигурной спинкой. Даже фортепиано есть.

Питание — «шведский стол», много свежих овощей, зелени, фруктов. Как раз для таких зожников, как я.

А ещё здесь очень много всего для детей: без конца какие-то мероприятия, игры, мастер-классы. В перерывах можно пойти в детскую комнату. Там вообще рай для любого ребёнка. Чего только нет: сетчатый лабиринт, бассейн с шариками, домик, горка, качели, конструкторы — всего не перечесть. Про кукол, машинки и настольные игры и говорить нечего. Всё новенькое, красивое, а на полу ковровое покрытие, как карта волшебного города. Чувствую, Маруся захочет тут жить. Придётся попросить администрацию, чтоб постелили ей где-нибудь в уголке.

Номер тоже отличный, хоть и в простом корпусе, а не в элитном. На элитный моих возможностей не хватило. Но и тут всё прекрасно. Даже кондиционер есть. Правда, он нам пока без надобности — на улице довольно прохладно. Толь-

ко вот покрывал на кроватях почему-то не оказалось. Но я попросила — и быстро принесли. Так что пока нам всё нравится.

А какие сосны кругом! Это сказка! Они гигантские — прямо в небо растут. Всё шишками усыпано под ногами. Воздух непередаваемый. Территория огромная. Кругом лавочки, гамаки, площадки детские...

Ах, да, чуть не забыла. Иртыш же я сегодня увидела впервые. Правда, издалека, из окна машины. Поэтому пока ничего особенно сказать не могу. А по дороге в санаторий дядя Олег вообще меня расстроил: оказывается, Иртыш сильно загрязнён, и уже много лет купание в нём официально запрещено. И хотя я совсем не любитель плескаться в открытых водоёмах, но, конечно, не так представляла себе мою сибирскую реку. Да много что здесь я себе не так представляла. Но самое значительное несоответствие — я не представляла, что нас так тепло и радушно встретят. А это главное. И я счастлива.

27.06.24

Сегодня День рождения моей любимой бабулечки. Уже полтора года её нет в этом мире, но она всегда в моём сердце.

С Днём рождения, милая бабуля! Эту поездку я посвящаю тебе. Я знаю: ты здесь со мною и смотришь моими глазами

на свой родной край. И он прекрасен, это правда.

27.06.24 (вечер)

Сегодня был чудесный день. Несмотря на прогноз, обещавший дождь и холод, ничего этого не случилось. С утра до вечера сияло солнце, по небу бегали лёгкие облачка, и было довольно тепло, так что даже кофты сняли.

Мы всё время провели в санатории. Я только успевала водить Марусю с одного мероприятия на другое.

После завтрака сразу зарядка. Конечно, по идее, должно быть наоборот, но здесь так. Потом настольные игры. С ними сегодня занимался мальчик-аниматор лет семнадцати, Денис. Маруся любит таких больших мальчиков, как её старший брат. Потом мы все вместе — дети и родители — играли на улице в городки под руководством Дениса. Дальше взяли электрокарт, и Маруся до обеда каталась по территории.

А вечером приезжали артисты кукольного театра с двумя мини-спектаклями. Правда, они мне показались уж слишком серьёзными, с каким-то философско-глубокомысленным содержанием. Действие без слов — просто под музыку. Один сюжет был прямо мне в тему — о детстве наших предков. Даже символично получилось. Но нынешним маленьким зрителям было немного скучновато.

После спектаклей — ужин и детская дискотека. Так что

Маруся просто счастлива от такого праздника жизни.

Для взрослых тут тоже развлечений хватает, кстати. Разные мастер-классы, СПА, бани, гимнастики... Но мне не хочется. Я здесь гуляю, брожу по дорожкам, качаюсь на качелях и в гамаках, дышу сосновым духом и жду Марусю. Фотографируемся с ней в перерывах в этой красоте.

Завтра собраться всем вместе с семьёй дяди Олега у нас не получается — его дочь Рита работает, а Николай Трофимович сможет приехать только послезавтра вечером. Но всё равно дядя обещал нас утром отвезти на пару часов к своей маме — поесть дачной клубники и поболтать. Она там ещё пироги какие-то заказала. А я как раз заберу с Озона подарки.

Кстати, в Нефтяниках сегодня отключили горячую воду, так что нам очень повезло в этом плане. Правда, в санатории вся вода жутко хлорированная — прямо пахнет, как только кран откроешь. Видимо, из-за наводнения бузуют хлорку в тройном размере. Ну уж лучше пусть будет так.

28.06.24

Говорят, в Курске жара. А у нас в Омске сегодня +16, и целый день без просвета льёт дождь. Так что самым удачным приобретением к поездке стали наши капитальные тканевые дождевики, типа курток. Ну очень они здесь пригождаются.

Как и планировали, дядя Олег приехал за нами утром и повёз к «бабушке» (так он называет для нас свою маму). По пути забрали заказанные Надеждой Петровной пироги — с печёнкой, с капустой и с повидлом. И зашли на Озон получить мои гостинцы. Кстати, с ними возникла немного забавная ситуация.

Девочка в пункте выдачи отсканировала код и тут же скрылась в подсобке. Сначала её очень долго не было — мы уж думали, не заснула ли она там ненароком. Но тут она появляется с охапкой пакетов и коробок, за которыми её почти не видно, водружает эту гору перед нами и со словами «Это ещё не всё» уходит обратно. Следом выносит ещё одну упаковку. Я и сама, если честно, удивилась такому объёму. И вдруг, случайно, краем глаза вижу лицо дяди Олега. Он смотрит на заваленный моими покупками стол огромными круглыми глазами с выражением шока и растерянности одновременно.

Я почему-то сразу подумала, что, возможно, в их семье вообще не принято дарить подарки — знаю, что такое бывает. Я же очень люблю это дело, хотя часто поиски подходящего презента — настоящий квест. Зато как приятно потом видеть довольного и немного удивлённого человека, особенно если удалось угадать с предпочтениями.

Гостинцы для омской родни я выбирала тщательно. Вспомнила про баню, в которую каждое воскресенье ходит Николай Трофимович, и заказала для него большой банный

набор с оригинальной вышивкой в войлочном портфельчике. Потом подумала, что у братьев из Сибири, вполне вероятно, одинаковые пристрастия, особенно учитывая, что мой отец тоже любитель парной и берёзового веника. Тогда для дяди Олега купила то же самое, но с другой надписью. И, судя по наличию бани на даче, с этим подарком я тоже не ошиблась.

Надежду Петровну решила порадовать набором чая с разными добавками в красивых стеклянных баночках на деревянной подставке. Почаёвничать вечером, выбирая вкус под настроение, не откажется никакая девочка, сколько бы лет ей ни было. И всем троим добавила по бутылке натурального сбитня с травами. Этот исконно русский напиток идеально вписывается в тему моего визита.

Для дочек дяди Олега — сестёр Риты и Кристины — заказала небольшие наборы натуральной косметики: мыло ручной работы и бальзам для губ в крафтовой упаковке с вложенным сухоцветом. Сестрицы должны такое оценить. А маленькой Соне, дочке Кристины (ей, кажется, ещё нет и трёх), взяла деревянный конструктор со зверюшками из русских сказок — точно такой, как у моей Маруси. Она, кстати, до сих пор любит с ним играть. И резных деревянных магнитов с изображением Курска для всех привезла — куда же без них...

В общем, дома вручила подарки дяде Олегу и его маме. Надежда Петровна тоже была удивлена, будто и не подозре-

вала, что в гости с пустыми руками приезжать не полагается. Дядя, рассматривая содержимое банного портфельчика, поинтересовался, есть ли у меня смарт-часы. Я ответила, что нет. Тогда он сказал: «Значит, будут», и снова уехал по внезапно возникшим делам, пообещав вернуться через два часа и отвезти обратно в санаторий.

Мы с Марусей были ещё сыты с завтрака. «Шведский стол» — это ещё то испытание для желудков. Поэтому поели одной клубники. А пироги Надежда Петровна завернула нам с собой, точно следуя заявленной цели «откормить меня как следует».

Марусе сидеть с нами, тётеньками, конечно, было неинтересно, и она снова пошла изучать содержимое книжного шкафа. А мы остались на кухне вдвоём.

Надежда Петровна, судя по всему, была очень рада случаю поболтать с новым человеком, как это часто бывает с общительными пожилыми женщинами. На этот раз она завела речь о своих бывших невестках, а потом и о внучках, которых я пока что видела лишь на фото. И здесь меня, к сожалению, опять ждали истории несчастий и злого рока. Признаться, временами мне было даже неловко слушать её откровения. Я не знала, как реагировать, и только успевала сочувствовать людям, на долю которых выпало столько испытаний. Надежда Петровна говорила сбивчиво, то и дело перепрыгивая с одного на другое, так что иногда уловить связь было непросто.

Из всех её рассказов я поняла, что дядя Олег оба раза женился не по любви.

Первая жена Лена была значительно моложе него — на момент заключения брака ей едва исполнилось семнадцать. Союз этот долго не продержался. Через пару лет с дядей случилось несчастье — какая-то авария на службе. Он чудом остался жив, но почти год пролежал в больницах, где его буквально собирали по кусочкам. А молодая жена тем временем искала другие варианты своего будущего, открыто заявив Надежде Петровне, что инвалид ей не нужен.

К счастью, Олегу удалось практически полностью восстановиться. Но к моменту выписки его жена уже имела статус «бывшей» и адрес проживания за несколько сотен километров от Омска. Хорошо хоть детей не успели родить.

Вторая жена Марина, как оказалось, тоже не отличалась благонравием. Она пришла в их дом уже беременной, и по сей день Надежда Петровна сильно сомневается в биологическом отцовстве своего сына по отношению к старшей Рите.

Рите уже скоро тридцать, а она до сих пор не замужем и даже ни разу там не бывала. Работает медсестрой в местной больнице, пропадает на суточных дежурствах и, конечно, вряд ли уже найдёт себе «нормального мужа» — прогноз Надежды Петровны был привычно мрачен.

Младшая Кристина после своей красивой свадьбы, за которую папа выложил круглую сумму, недолго пробыла в ро-

ли счастливой жены, и с трёхмесячной Соней два года назад вернулась в родительский дом. Причин этого удручающего события Надежда Петровна раскрыть мне не успела, потому что приехал дядя Олег, и под неутихающим дождём мы отправились обратно в санаторий.

После обеда Маруся играла в чудесной детской комнате, прерываясь то на мастер-класс по лепке, то на просмотр мультфильмов в местном кинозале — благо всё находится в одном здании.

А я сидела в фойе в мягком кресле, всё время думая о том, почему жизнь так жестока по отношению к этой семье. Может, бабушка Настя, а потом и дядя Юра своими поступками навлекли на потомков череду несчастий? Не могу сказать, что являюсь приверженцем теории кармы и тому подобных вещей, но моя голова ищет объяснение тому, что я узнаю о жизни уже не чужих мне людей. И пока ничего более правдоподобного мне на ум не приходит.

29.06.24

Сегодняшний день можно смело записывать в личную историю. Мы наконец-то познакомились с Иртышом. Теперь моя легендарная река обрела живые черты и оказалась настолько же прекрасной, насколько непохожей на моё о ней

представление.

А теперь по порядку. Я видела по карте, что Иртыш подходит почти вплотную к нашему санаторию. И, конечно же, планировала до него добраться.

Сегодня утром после вчерашнего ливня было очень сыро и холодно. Однако к обеду выглянуло солнце, и всё моментально преобразилось. Здесь песчаная почва, и даже грязи нет. Это у нас в Черноземье после дождя длиной в сутки на грунтовку ещё несколько дней ступить невозможно. А тут красота — вода словно проваливается сквозь песок, и обувь остаётся чистой в любую погоду.

Идти было совсем недалеко. Но я всё равно настроила навигатор, и мы с Марусей выдвинулись за территорию.

Дорога к Иртышу лежала через посёлок. Домики в посёлке разные: были и новенькие, но большинство явно построенные в прошлом веке. Встречались и заброшенные. На полпути к нам пристроился шустрый ручеёк. Сверилась с картой — действительно, бежит почти до Иртыша. Значит, правильно идём.

И точно: издалека показалось большое пространство, где среди зелени мелькал уголок синеватой воды. Это он.

Честно сказать, после первого мимолётного свидания на городском мосту и рассказов дяди о загрязнении реки я ничего особенного не ждала. Но как же здесь, в этом месте, был великолепен мой Иртыш! Он выглядел так торжественно, будто невидимый режиссёр специально подобрал все эти

деревья, кусты и коряги, как декорации для выступления главного героя. Впереди на фоне ровной сочной травы мы увидели огромную раскидистую сосну на высоком песчаном берегу. А а за ней, отражая безоблачное небо, ослепительно сверкало зеркало воды.. Это было так неожиданно красиво! Я тотчас достала телефон и стала снимать видео, фото... Сделала несколько десятков снимков с разных ракурсов. Но так же, как с попытками запечатлеть величие Уральских гор, мои усилия не давали желаемого результата. Камера не передавала всей глубины красок, игры света и того совершенства, которое я видела перед собой.

Мы подошли к самому краю обрывистого берега. У реки было на удивление тихо. Иртыш уходил вдаль широким полотном, укутанный в густые кроны деревьев, подступающих прямо к воде.

Мне вспомнились бабулины рассказы о непростом нраве этого могучего потока, прячущего под обманчивой безмятежностью бурные водовороты и течения, которые не всякого отпустят. Но сейчас молчаливая река ни намёком не выдавала своей тайной жизни.

Устроившись на большой коряге прямо на высеченном из песчаника уголке суши, я смотрела на хрустальную рябь на воде и старалась впитать как можно больше этого места. Маруся рядом на корточках с увлечением наблюдала, как отряд муравьёв упорно тащит по песку какие-то былинки к приютившемуся у старого пня муравейнику. Время будто за-

медлилось, а внутри разливалось какое-то тёплое умиротворение. Пожалуй, я могла бы провести здесь весь остаток дня.

Но дети не способны долго находиться в созерцательном состоянии. Марусины муравьи исчезли в лабиринтах своего жилища, и ей срочно понадобилось спуститься по песчаному склону поближе к воде. Пришлось идти вместе с ней. А вскоре оказалось, что наша встреча с Иртышом уже слишком затянулась, и мы рискуем остаться без ужина. Поэтому, пообещав обязательно вернуться, мы поскорее пошли обратно.

...Ах да, забыла написать, как чуть не сорвалась наша запланированная на завтра поездка в Тару.

Утром мне позвонила Надежда Петровна узнать, как нам отдыхается, и заодно сообщила, что Олег «нагулялся по холодине в своей распашонке» и простыл. Он плохо себя чувствует и сказал ей, чтобы сегодня его не беспокоили. Ну что же поделать... Я, конечно, расстроилась, что наши планы нарушаются. Значит, придётся всё отложить или вообще поехать самостоятельно. Благо и маршруты, и расписания у меня сохранены. И стала уже продумывать варианты. Но пока мы возвращались от Иртыша, мне позвонил дядя Олег. И не известить о своём недомогании, а чтобы уточнить время, когда мы выезжаем. Я была удивлена его совершенно обычному голосу, но сказала, что знаю от мамы о его состоянии, и потому поездку можно сдвинуть или отменить, и вообще не стоит беспокойства — мы везде можем добраться сами.

Но дядя уверил меня, что «мама, как обычно, преувели-

чивается», он абсолютно здоров, только что встретил на вокзале Николая Трофимовича, и завтра в Тару мы едем вместе с ним.

В итоге договорились, что они заберут нас с Марусей в девять утра.

Так что всё обошлось, и я с нетерпением жду завтрашнего дня.

01.07.24

Пишу сегодня, так как вчера на дневник уже не было ни сил, ни времени.

Начну с того, что вечером накануне поездки у нас с Марусей случилось ЧП — потерялся её нательный крестик. Да не простой, а крестильный, который специально надели в путешествие. Вечером перед купанием она сама сняла цепочку и положила на тумбочку, а потом обнаружилось, что крестика на ней нет. И мы не знали, соскочил ли он в номере или где-то ещё. Я очень расстроилась, а Маруся так вообще принялась плакать. Искали кругом, с фонариком ползали по полу, заглядывали и под кресла, и под кровати — нет его. Решили, что, возможно, он потерялся раньше — здесь на территории или во время прогулки к Иртышу. Ну, что горевать-то теперь? И я решила, что просто так ничего не случается. Значит, мы купим новый крестик в каком-нибудь храме в Та-

ре, на родине наших предков. И он точно будет защищать не хуже прежнего. Этим я постаралась успокоить безутешную Марусю, а заодно и себя.

А вообще, моё отношение к Богу, наверное, не совсем правильное. Хотя, мне кажется, довольно распространённое. Попробую сформулировать.

Я верю, что когда-то на земле действительно жил Иисус, и всё, написанное в священных книгах, происходило на самом деле. И что существуют Высшие Силы, которые влияют на нашу жизнь. Иногда это влияние выглядит как самое настоящее чудо. А ещё есть вещи, которые помогают нам установить связь с этими Силами и Богом: молитвы, иконы, крестики. Как именно они работают — не совсем понятно, но точно работают. Правда, огромную роль тут играет душевный настрой самого человека, его собственная мысленная энергия. Поэтому обращение к Богу, в моём понимании, не требует походов в храм и сложных ритуалов. Лично для меня я считаю обязательным лишь обряд крещения. В церкви я всегда чувствую себя неловко. Наверное, оттого, что не знаю всех порядков и правил. Но дома у нас есть полочка с иконами, мы носим крестики, набираем крещенскую воду и освещаем куличи на Пасху.

А ещё я знаю наизусть две молитвы: «Отче наш» и 90-й псалом, который бабушка Таня называла «Живые помощи» и считала волшебным. Она и научила меня этой молитве тридцать лет назад. И мне приходилось уже не раз убеж-

даться, что так оно и есть. Бабушка, кстати, тоже в церковь никогда не ходила. Получается, что и отношение к вере я переняла у неё.

А вчерашняя поездка в Тару была полна впечатлений и сюрпризов. И об этом стоит написать подробно с самого начала.

Утром, выходя из номера, мы столкнулись с горничной, и я решила попросить её, если не составит труда, во время уборки посмотреть по-лучше — вдруг найдётся наша пропажа. Хотя надежды особо не было, так как мы сами очень тщательно искали.

С этой историей с крестиком я и забыла, что дядя Олег приедет за нами вместе с Николаем Трофимовичем. Выходим с Марусей из ворот санатория и видим издалека уже привычную «великанскую» фигуру дяди, а рядом с ним стоит человек необычайно низкого роста, едва доставая макушкой до плеча нашего омского родственника. Да это же Николай Трофимович! Я узнала его черты по фотографиям, которые он присылал в том старинном альбомчике. Но... до чего же он маленький! Просто... просто как гномик. А ещё сейчас отрастил бородку, которой не было на фото, отчего сходство с гномиком стало буквально поразительным.

И мы с ним сразу начали обниматься. В отличие от встречи с дядей Олегом, когда я просто оторопела от неожиданности, Николай Трофимович, несмотря на необычный рост,

сразу вызвал чувство, будто мы только недавно виделись.

— Вы совсем не такой, каким я вас представляла! — вырвалось у меня.

— Ты тоже совсем не такая, как я думал! — со смехом ответил мой второй дядя.

И только тут я вспомнила, что у него же не было моих фото, так как смартфона у него нет, а на обычный кнопочный мобильник ничего и не отправишь.

А ещё более неожиданным оказалось то, что он смотрел на меня бабушкиными глазами — небольшими, карими, блестящими живым интересом. Сходство было пугающе полным — один-в-один: и цвет, и разрез, и форма, и этот особенный блеск. По коже побежали мистические мурашки. И бывает же такое! Об этом я тоже сразу сообщила Николаю Трофимовичу — так что мы вместе поудивлялись такому генетическому совпадению. Видимо, эти глаза достались им обоим в наследство от бабушки Нюры.

Дорога до Тары заняла три с половиной часа.

Когда только сели в машину, я заметила, что у каждого из кармашка на двери торчит поллитровая бутылочка «Архыза».

— Я всем воды купил — пейте, как захочется, — сказал дядя Олег, будто отвечая на незаданный вопрос.

У меня и у Маруси, конечно, была с собой вода, летом без неё не передвигаемся. Но мне вдруг стало так тепло на ду-

ше — надо же, кто-то подумал за меня. Просто взял и купил на всякий случай. Это было настолько непривычно... Сразу вспомнилась грязная пластиковая канистра с водой, набранной в незапамятном году из неизвестного источника, которую всегда возит в багажнике мой муж — и пьёт её сам, кстати, совершенно спокойно. И если так случится в дороге, что я с собой «своей» не взяла, то мой вариант — только эта канистра и вопли супруга, если я не желаю оттуда пить. Впрочем, такое случилось лишь однажды, много лет назад. И больше не повторялось. Урок был усвоен надёжно.

Но моё удивление на этом не закончилось. Едва мы выехали на трассу, дядя Олег принялся настраивать кондиционер, чтобы в салоне было комфортно и в то же время никому «не дуло». Он без конца поворачивал задвижки и постоянно спрашивал у нас, хорошо ли, не холодно ли, и предупредил, чтобы мы сразу говорили, «если что не так». Когда он в какой-то бесчисленный раз поинтересовался у меня, не мёрзну ли я и всё ли в порядке, я даже пошутила, что привыкла к поездкам с мужем в совершенно экстремальных условиях — у меня всегда есть с собой дежурная джинсовка и плотная панама на случай, если выбранный им «климат» окажется слишком суровым. И тогда дядя тоже засмеялся и ответил, что действует по привычке:

— Да моя просто постоянно жалуется, что у меня здесь кондиционер по-дурацки работает, и вообще всё неудобно. Мы поэтому везде на её машине ездим. Я уж и сам иногда

забываю, как тут что настраивать.

— О, можете на этот счёт не беспокоиться, — с улыбкой заметила я, — мне капризничать по статусу не полагается.

Он усмехнулся, бросив на меня короткий взгляд, на мгновение отвлёкшись от дороги. И до конца путешествия то включал, то выключал кондиционер, чтобы нам не стало слишком холодно. Это было так приятно и трогательно одновременно.

Маруся быстро задремала, как с ней часто бывает в длительных поездках. А мы втроём разговаривали всю дорогу. Мои дяди рассказывали разные байки из давно ушедших лет, я тоже делилась своими историями — и часы в пути пролетели незаметно.

Тара встретила нас тихими улицами, время на которых, похоже, замерло гораздо раньше, чем на окраинах Омска. Спокойствие и размеренность здесь ощущались повсюду. Даже автомобильное движение в центре скорее напоминало времена моего детства. В целом этот крошечный городок показался мне больше похожим на разросшуюся деревню. Бревчатые двухэтажки с резными наличниками и небольшие частные домики — самая типичная застройка.

Я, конечно же, читала кое-что про Тару, а многое нам рассказали в местном музее. Так что запишу основное, пока не забыла.

Начну с того, что люди здесь жили всегда. При раскопках в окрестностях находили даже человеческие останки давно-стью в полторы тысячи лет.

А сам город был основан в конце XVI века отрядом князя Андрея Елецкого, который продолжал дело Ермака по освоению Сибири. Что интересно, никто до сих пор не знает, где именно первоначально находилась крепость Тара. Точно известно лишь то, что русские вояки взяли под опеку местных татар и потом сообща отстраивали и обороняли город. Кстати, на въезде в Тару мы увидели памятник и самому Ермаку. Казачий атаман присел на каменную кладку и полным спокойной решимости взглядом обводит раскинувшиеся перед ним просторы. А ещё очень впечатлила бревенчатая крепостная стена древнего города. Мы пофотографировались и с Ермаком, и у частокола крепости. Потом проехали по центру, останавливаясь ненадолго у памятников и интересных мест.

Конечно, я собиралась зайти и в самое старое каменное здание в Омской области — Спасский собор. Там же планировала купить новый крестик для Маруси. Но неожиданно оказалось, что именно на этой неделе в соборе ведутся срочные ремонтные работы к юбилею города, и попасть внутрь нельзя. Поначалу я расстроилась, но дядя Олег сказал, что заметил ещё какую-то церковь недалеко от въезда в город, и предложил заехать туда на обратном пути. В общем-то, мне и самой больше по душе маленькие неприметные храмы —

там обычно меньше народу, и обстановка лучше располагает к общению с Богом. Поэтому я охотно согласилась с этим предложением, и на величавый красавец собор, похожий на белоснежный корабль, мы посмотрели только снаружи.

С учётом предстоящего пути обратно, времени у нас было не так уж и много. Объехав центр городка и полюбовавшись на старенькие, но не утратившие своего исторического очарования усадьбы и домики, мы направились к краеведческому музею. Он тут тоже располагается в бывшем купеческом особняке.

Несмотря на то что мы пришли без предварительной записи, встретили нас очень душевно. Дядя Олег, как и обещал, сделал копии распечаток о наших родных, погибших в Великую Отечественную войну, и мы отдали их директору музея. Может быть, и для наших героев найдётся местечко на какойнибудь выставке, которые здесь периодически устраивают. А потом нас провели по всем залам с увлекательнейшей экскурсией. Честно говоря, не ожидала такого уровня от музея в сибирской глубинке.

Здесь мы узнали, что Тара почти с самого основания была городом ссыльных и купцов. Ссылали мелких бунтарей — от крестьян до стрельцов, а потом даже декабристов. Купцы же быстро смекнули, что место хлебное: через Тару шёл торговый путь из Бухары и Китая. Везли шёлк, пряности, сухофрукты, чай и даже фарфор. А взамен скупали у местных пушнину, кожи и сукно.

А потом Таре не повезло: торговые пути перенесли южнее в Омск и там же проложили железную дорогу. Но городок, хоть и замер, оказавшись отрезанным от «большой земли», но тем не менее выжил. И сейчас, несмотря на скромные размеры, здесь есть всё, что нужно: и предприятия, и учебные заведения, а ещё музеи, дома культуры, новая большая библиотека. И самое удивительное — даже настоящий театр имени их славного земляка Михаила Ульянова.

Напоследок мы решили прогуляться до городского парка. Он, как и многое в Таре, тоже имеет давнюю историю и находится на своём неизменном месте уже около полутора веков. Начинается парк с дома прежних хозяев — купцов Щербаковых, которые хоть и были «владельцами заводов и пароходов», но при этом оставались «очень людьми» и сад свой тоже сделали открытым для простых горожан.

Вот и нас тарский парк порадовал густой тенью деревьев и ухоженным видом. А Марусю — ещё и аттракционами. Поэтому большую часть времени мы с ней вдвоём передвигались от одних каруселей к другим, а мои дядьки, посидев немного на лавочке, сказали, что пройдутся до какого-то магазина инструментов поблизости, и чтобы мы смотрели на часы, если хотим ещё зайти в храм, да и перекусить не мешало бы перед обратной дорогой.

Через некоторое время наши родственники, которые, кстати, из-за колоссальной разницы в росте смотрелись рядом друг с другом весьма экзотично, вернулись с внуши-

тельными коробками в руках — видимо, прикупили себе каких-то новых «игрушек» в том магазине. Я сразу вспомнила своего отца, которого тоже мёдом не корми, а дай испытать очередную приспособу, которая пилит, точит или шлифует точно лучше, чем любая из всех предыдущих. Ну, на то они и братья, хоть и двоюродные.

Дядя Олег поставил свою коробку на лавку и махнул нам с Марусей рукой в знак того, что время посещения этого чудесного места окончено.

Маруся, уже изрядно уставшая от такого количества впечатлений, заупрямилась и даже пустила в ход слёзы. Зная, что никакие аргументы её сейчас не убедят, я просто направилась прочь — к лавочке, где нас уже ждали. И она, конечно же, побежала вслед за мной.

— Марусю оставляем здесь. В чём проблема-то? — с абсолютной серьёзностью произнёс дядя Олег, глядя на её недовольное заплаканное лицо. И это прозвучало с такой однозначной реалистичностью, что моя дочь словно очнулась, внезапно осознав свои перспективы, и слёзы на её глазах мгновенно высохли.

— Так, смотри, — обратился ко мне дядя Олег после своей короткой, но виртуозно исполненной воспитательной импровизации, — рядом с выездом на трассу есть интересное местечко, где можно перекусить. Как раз где-то там и церковь я видел. Поехали.

И, подхватив свою ношу и заодно коробку Николая Тро-

фимовича, зашагал впереди нас всех к машине.

Наблюдательность дяди Олега не подвела: ближе к окраине города за деревьями мелькнул церковный купол. Мы свернули в переулочек и оказались прямо перед воротами небольшого храма. Кованая ограда с незамысловатым узором местами была тронута ржавчиной. А от светлых стен и высокого фундамента кое-где отошла штукатурка.

Я быстро надела свою дежурную панаму, чтобы соблюсти правила посещения церкви. Николай Трофимович уже вышел из машины, явно собираясь составить мне компанию. Дядя Олег тоже вышел. И только Маруся сидела, отвернувшись к окну, всё ещё переживая своё несправедливо прерванное веселье.

— Идите, — коротко сказал дядя Олег нам с Николаем Трофимовичем, давая понять, что останется с Марусей.

Едва мы вошли в калитку и направились к высоким ступеням крыльца, ведущего в храм, как из-за плотно посаженных вдоль дорожки кустов перед нами внезапно возник батюшка — полностью в чёрном повседневном одеянии и с секатором в руках. Ещё никогда мне не доводилось видеть священника, обрезающего кустарник около храма. Круглолицый, с седоватой кучерявой бородкой и кудрями, выбивающимися из-под головного убора, в котором ему было явно жарко, он смотрел на нас любопытно-весёлыми глазами, никак не вя-

завшимися с представлением о серьёзном образе священнослужителя. Поэтому наша встреча уже с первых минут показалась мне абсолютно неформальной.

Отец Арсений — так представился батюшка — узнав, откуда я и что делаю в Таре, очень удивился и как будто прямо обрадовался. Он тотчас же сунул секатор в ящичек у дорожки и повёл нас смотреть свои владения. Попутно я уже рассказывала ему историю с Марусиным крестиком, подчеркнув, что он имел ценность именно как крестильный. Но святой отец сразу же успокоил меня, сказав, что ничего фатального в нашем происшествии нет, ибо мы как раз находимся в самом подходящем месте, чтобы исправить ситуацию наилучшим образом.

И тут же старушка в церковной лавке выложила перед нами весь ассортимент крестиков. Один из них привлёк меня своим необычным видом. Он был совсем небольшой, с орнаментом на ушке, широкими перекладинами и миниатюрным образом Божьей Матери на обратной стороне. Мы сразу выбрали к нему и шёлковый шнурок с винтиком для большей надёжности.

Я собралась было достать кошелёк, как стоящий рядом Николай Трофимович со словами «Я заплачу» уже протянул старушке купюры. Тем временем отец Арсений что-то усердно перебирал за прилавком и, едва я убрала в сумку дядин подарок, выложил передо мной небольшую дощечку с явными следами времени — облупленная по краям краска и по-

тёртое, потускневшее изображение: какой-то святой человек сидит среди камней у пещеры и задумчиво смотрит на птицу, держащую в клюве нечто похожее на круглый хлебец.

— Это пророк Илия — покровитель всех омичей, — пояснил отец Арсений. — Из Крапивина мне принесли. Сказали, что нашли в заброшенном доме — там сейчас много таких.

И добавил, видя мою нерешительность:

— Бери же, дарю её тебе.

Церковная старушка тем временем уже бережно сложила мою драгоценную вещицу в пакетик. К этому подарку батюшка добавил ещё небольшую книжечку-блокнотик:

— Это помянник. Дома запишешь сюда всех своих родных, чтобы никого не забывать в молитвах.

И старушка тут же положила книжечку к иконе.

Когда с покупками и подарками было покончено, отец Арсений прямо-таки с горящими глазами повёл меня смотреть свои богатства.

Мы ходили по прохладному полумраку пустой церкви, и он рассказывал мне о каждом изображённом святом — совсем немного, буквально в двух словах, но что-то очень отличительное. К некоторым иконам батюшка просил прикоснуться руками или даже лбом и спрашивал, что я чувствую. (Правда, ничего особенного я не чувствовала). У других — призывал внимательно посмотреть в глаза образу и повто-

ритель про себя слова короткой молитвы. У третьих — предлагал, наоборот, закрыть свои глаза и загадать желание. Я загадала первое, что пришло в голову — чтобы нашёлся Марусин крестик, и, конечно же, здоровья для всех близких.

Потом отец Арсений подвёл меня к огромной старинной книге, лежавшей на специальной подставке, и велел открыть её на первой попавшейся странице. Он сказал, что написанное на случайном развороте будет иметь прямое отношение к тому, что сейчас происходит в моей жизни.

Я с трудом подняла толщу пожелтевших страниц, но слов с витиеватыми буквами на церковнославянском, конечно же, прочесть не смогла. Тогда батюшка сказал мне записать номер главы и зачала Евангелия от Луки — такое название носила эта древняя книга — и потом «посмотреть всё в интернете».

Я записала. И уже вернувшись в санаторий, первым делом, конечно, заглянула в сеть. На той странице оказалась притча о блудном сыне.

Сын ушёл из дома, прихватив свою долю наследства. Всё промотал-прокутил, а потом вернулся с покаянием. Отец его простил и устроил в честь этого пир. А старший сын, который всегда был рядом и вёл праведную жизнь, упрекнул отца, что для него подобных мероприятий никогда не проводилось. И мораль: раскаявшийся грешник дороже того, кто всегда был праведен.

И где же тут я и моя жизнь? Я-то никого не бросала и со-

стояний не проматывала. Или я как раз тот самый праведник, которому все мало радуются? Непонятно. Но ладно, игра всё равно была интересной.

Так вот, провели мы с Николаем Трофимовичем в этой церкви огромное количество времени. Я то и дело вспоминала о том, что у ворот храма нас ждут дядя Олег с Марусей. Они, наверное, уже подумали, что нас здесь заперли в подполе. Уж не знаю, почему-то именно такая картина приходила мне в голову. Но остановить батюшку, увлечённого своими рассказами, было решительно невозможно. И я просто потихоньку приближалась к выходу, где меня уже ждал Николай Трофимович.

Под конец отец Арсений предложил обменяться номерами телефонов и попросил меня... никогда бы не поверила, что такое возможно... сделать с ним «селфи»!!!

Вот это уровень! Вот это я понимаю — батюшка шагает в ногу со временем! И всё бы ничего, но только я этот вид фотографий не очень жалую и никогда раньше не делала — ни разу. Если бы кто-то мне сказал, что первое селфи в жизни будет под сводами храма со священником — вот бы я смеялась!..

В общем, мы еле расстались. На прощанье отец Арсений пригласил приезжать на будущий год и даже обещал найти для меня транспорт, чтобы я всё-таки смогла доехать до Крапивина.

Пока шли к машине, у меня внутри всё сжималось в ожи-

дании праведного гнева дяди Олега за такое долгое отсутствие. Но он встретил нас с совершенно невозмутимым видом и на мои горячие извинения просто махнул рукой и с абсолютным спокойствием и чуть ли не святым всепониманием сказал:

— Да ладно, всё норм... Чё оправдываешься-то?

А из машины мне уже кричала довольная как слон Маруся (и куда только подевалось её мрачное настроение?):

— Мама, мама, а у дяди Олега все серии «Маши и Медведя» по телевизору показывают!

...Кафе, которое дядя назвал «интересным местечком», оказалось действительно оригинальным заведением. На самом деле это был трактир, оформленный в стиле экспозиции в краеведческом музее — кругом чучела животных: от зайцев до кабанов и лосей (точнее, их голов). А огромный медведь, шагающий на задних лапах прямо из-под лестницы, испугал Марусю не на шутку.

Меню было под стать обстановке: много мясных блюд, в том числе из охотничьих трофеев. Но мой ребёнок заказал, как обычно, курицу с картошкой — экспериментов она не любит. Я, конечно же, взяла супчик — ни дня не могу прожить без первого. Захотелось попробовать сибирскую уху из трёх видов рыбы. А дядьки решили отведать фирменных пельменей с дичью.

Все ужасно проголодались. Мужчины буквально за пять

минут расправились со своими порциями и ждали нас с Марусей. А я быстро есть не умею. Надо мной все с детства смеялись — вечно я самая последняя за столом оставалась. Сейчас тоже неудобно было, что из-за меня задерживаемся — то в храме, то теперь вот в кафе. Поэтому я старалась не отвлекаться от тарелки. А в один момент как-то быстро подняла глаза и поймала на себе взгляд дяди Олега. Но не такой, как обычно, а словно... какой-то очень личный. Или даже... как будто бы нежный. Может, конечно, мне показалось, потому что это была доля мгновенья. Но если бы я умела краснеть, то в тот момент точно стала бы пунцовой. А дядя Олег сразу поднялся с места и сказал своему брату:

— Пойдём погуляем пока, а то она сейчас спешить начнёт.

И, расплатившись за нашу трапезу, они быстро ушли на улицу.

Обратный путь, как это часто бывает, показался мне короче. Маруся и Николай Трофимович на заднем сиденье почти сразу уснули. А мы всю дорогу говорили с дядей Олегом.

Он рассказывал, что в студенческие годы выступал в цирке — был силовым акробатом. В самом городе никогда не было собственной труппы, но наравне с гастролёрами на арену омского цирка выходили и народные молодёжные коллективы, в одном из которых при ближайшем доме культуры занимался и дядя. Правда, он признался, что сейчас уже жалеет об этом увлечении, потому что те большие нагрузки не

прошли даром и напоминают о себе всю жизнь.

Потом армия. Сам попросился во флот, потому что всё детство провёл в Иртыше, плавал как рыба и мечтал о море и кораблях. Прошёл все комиссии, отслужил три года — во флоте раньше три служили — да и остался насовсем. И вообще сказал, что он «водяной» — обожает воду и всё, что с ней связано. Но только холодную. В том смысле, что не на югах. Жару он совсем не переносит.

А я вот не переношу холод. Мне зимой в спячку всегда впасть охота. Я как тот леший из мультфильма про домовёнка Кузю: «Разбуди меня 30 марта...»

Вот мы посмеялись над таким нашим фундаментальным отличием! Дядя Олег сказал, что у него «спячка» приходится как раз на лето. И единственный способ пережить это время года — не вылезать из водоёма.

Тут мы опять не совпали — я воды боюсь, как огня, и плавать совсем не умею. В школьные годы как-то раз на уроке физкультуры в бассейне пошла ко дну. Подруга вытащила, спасибо. С тех пор на воду смотрю только со стороны, люблю. Даже на море почти не купаюсь.

Потом стал рассказывать про свою аварию на службе. Точнее, про саму аварию вообще ничего не говорил, а только про то, что жил после целый год в больницах. И как все думали, что инвалидом станет, но он наперекор прогнозам выкарабкался и даже остался во флоте, только врачебная комиссия всё же списала на берег. Вот тогда его и отправили на завод

военным представителем. Правда, про первую жену, которая в тот момент от него ушла, дядя ничего не сказал.

И очень хорошо мы так разговаривали — даже жалко было, когда наше путешествие закончилось. А дядя, конечно, ужасно устал за этот день. Было видно напряжение и чувствовалось, что его силы на исходе. Я на прощанье даже сказала:

— Мы вас замучили сегодня совсем.

Но он отшутился, как обычно:

— Ничего, иногда бывает полезно.

В санаторий мы вернулись уже в темноте. И на ресепшене нас ждал большой сюрприз: администратор вручила нам... та-дам... Марусин крестик! Горничная всё-таки нашла его. Вот чудеса-то!

А ведь получается, что сбылось желание, которое я загадала в храме отца Арсения. И мне непременно захотелось ему об этом рассказать.

Сегодня мы никуда не выходим с территории. Даже на Иртыш не пошли, хотя погода отличная — солнце без жары, идеальная температура. Но Маруся отыскала тут себе подружек и весь день с ними, а я вот пишу свой дневник.

В общем, после обеда решила набрать номер тарского батюшки — зря что ли он мне его давал?

Отец Арсений мне ужасно обрадовался. А ещё больше об-

радовался, узнав, по какому поводу я ему звоню. И опять мы говорили очень долго. Их, батюшек, наверное, специально обучают искусству ведения нескончаемой беседы. Даже прощались мы не меньше четверти часа. Я сказала, что очень рада нашему знакомству и с ним приятно общаться. А он мне ответил:

— С тобой тоже очень интересно поговорить. Ты не такая, как все.

Я, конечно, не удержалась спросить, в чём именно моя уникальность. Захотелось, чтоб меня похвалили в развёрнутом виде, ведь не каждый день приходится слышать о себе приятные вещи. А он сначала задумался на секунду, а потом сказал каким-то непонятным то ли весёлым, то ли хитрым тоном:

— А ты можешь видеть то, что не видят другие.

Ну, это, наверное, так и есть — не каждый обрадуется облупленной дощечке, которую даже сложно назвать иконой, и будет считать, что Омск интересней Анталии.

А завтра нам предстоит ещё одно грандиозное мероприятие. С утра мы едем на кладбища к дяде Юре и бабе Насте — они похоронены в разных местах. А после обеда запланирована большая семейная встреча. Познакомлюсь наконец-то со своими троюродными сёстрами.

03.07.24

Как быстро летит время... Завтра утром выезжаем из санатория.

Вероятно, Омск решил за девять дней устроить презентацию всех своих времён года, кроме зимы (надеюсь). Два дня солнце палит здесь, соревнуясь с Краснодарским краем. Но от запланированных мероприятий никуда не деться, и, зная теперь о том, каким испытанием является жара для дяди Олега, я вдвойне оценила его организаторский подвиг.

Вчера с утра по плану были кладбища.

За нами с Марусей приехали сразу после завтрака. Надежда Петровна и Николай Трофимович уже сидели в машине.

Сначала поехали к дяде Юре, потому что он похоронен недалеко от санатория.

И дальше начались сплошные неожиданности.

Все кладбища, которые мне доводилось видеть в своей жизни, обычно располагались на открытом месте, на окраине села или города. А здесь... здесь кладбище находилось... в лесу! Именно в лесу. Такой просторный светлый бор с подлеском. И прямо между деревьев — кресты и памятники. Какие-то огороженные и ухоженные, а какие-то — нет. А вокруг грибов, ягод — тьма! И они не прячутся, а растут прямо на могилах. Заброшенные холмики захоронений сплошь затянуты густой порослью земляники, усыпанной алыми плодами. Вокруг оградок и надгробий целые семейки грибов —

красивых, крупных, как с картинки. Им здесь раздолье — люди не смеют прикоснуться к этим дарам. «Вот так выглядит полное торжество природы над человеком», — мелькнуло у меня в голове.

И, как ни парадоксально, именно это торжество жизни в таком скорбном месте произвело на меня поразительное впечатление. В целом, если так вообще уместно говорить, на этом кладбище мне понравилось. Деревья создают ощущение необычной камерности, почти домашнего уюта. Словно укрывают и успокаивают и тех, кто больше не сможет покинуть это место, и тех, кто пришёл навестить своих ушедших родных. А нарядное покрывало зелени и ярких диких цветов и ягод украшает даже те могилки, за которыми некому ухаживать.

У дяди Юры большой гранитный памятник с фотографией, нанесённой по-современному прямо на камень. И он на ней именно такой, каким я помню его из детства — только серьёзный и в костюме с наградами. Вокруг памятника высокая кованая ограда.

Надежда Петровна поставила букет пионов, которые привёз с дачи дядя Олег, в специальную литую вазу на надгробии. Мы немного постояли рядом и отправились на второе кладбище — к бабушке Насте. Оно находилось уже в самом городе. Но несмотря на обилие растущих там деревьев, мои впечатления от этого места имели уже совершенно иной характер.

Старое городское кладбище Омска занимает громадное пространство. Там даже есть подобие внутренних улиц, по которым можно ездить на машине. А могил — просто несметное количество. Кажется, их тысячи, а, может, и десятки тысяч. И находятся они в невероятной тесноте, без какой-либо системы и обозначений. Ни малейшего намёка на эстетику: покосившиеся облезлые оградки, между которыми узкие, заросшие бурьяном тропки, где едва может протиснуться один человек. Даже как таковых рядов нет — словно кто-то вытряхнул из мешка россыпь крестов прямо на землю. В общем, хаос и запустение.

Мы припарковались напротив одного из кварталов кладбища, и в этот момент выяснилось, что ни дядя Олег, ни Надежда Петровна не знают, куда именно нужно идти. «Должно быть где-то здесь», — произнёс дядя и, возглавляя нашу процессию, ринулся вглубь этого могильного безумия.

И тут оказалось, что теснота и неизвестность координат — не главные препятствия в наших поисках. Старое кладбище выставило собственных стражей — тучи огромных, диких и невероятно голодных комаров! Никогда в жизни я не видела ТАКИХ комаров в ТАКОМ количестве! Они буквально кишели вокруг. И едва мы ступили в плотную тень деревьев между оградок, одномоментно облепили нас с ног до головы, вонзая иглы носов там же, где удалось сесть — не взирая на одежду и наши неуклюжие попытки сопротивления. Это был

ад. Комары лезли в лицо, в глаза, десятками садились даже на пальцы, заставляя совершать одновременно массу движений и не давая сосредоточиться ни на чём.

Мы с Марусей какое-то время пытались идти за роднёй, которая уже разбрелась по этому странному лабиринту, но вскоре сдали. Процесс поисков затягивался, а выносить эти непрерывные, яростные атаки становилось просто невозможно. «Выходите, выходите отсюда! — услышали мы издалека голос дяди Олега. — Мы вас позовём, как найдём».

Да мы и так уже направлялись обратно на залитую солнцем дорогу между кварталами могил. Практически печной жар, исходивший от раскалённого асфальта, не давал обитателям тени преследовать нас до конца, и мы смогли наконец-то перевести дух.

У Маруси по всему телу уже начали вздуться огромные красные шишки. Она почёсывалась каждую секунду. У меня же больше всего зудели руки — искусаны были даже подушечки пальцев.

Ждали мы, казалось, бесконечно долго. Честно признаться, я уже подумала, что мы так и уедем отсюда ни с чем, как вдруг из гущи деревьев вынырнул дядя Олег и замахал нам рукой:

— Идите сюда!

Мы двинулись за ним. Бедная Маруся, на которую было больно смотреть, мужественно пробиралась вместе со мной вглубь комариного царства.

Дядя же был, по своему обыкновению, невозмутимо спокоен и ни одним жестом не выдавал какого-либо телесного дискомфорта.

— Это не комары! — рассуждал он, ведя нас по петляющим тропинкам между крестов. — Вы не видели, что летом у нас на севере творится — там дышать нельзя, и без москитки вообще нереально на улицу выйти. А бабушку мы так каждый раз ищем. При жизни она была очень скрытным человеком — вот и сейчас продолжает прятаться.

Издалека я уже заметила Надежду Петровну и Николая Трофимовича у одной из простеньких оградок.

— Так, всё, я пошёл отсюда, — сразу же объявил дядя Олег, едва мы приблизились к назначенному месту.

И мы остались вчетвером.

Могилка прабабушки Насти являла собой такое же жалкое зрелище, как и большинство соседних. Низенький голубой обелиск с облупившейся краской, через которую неумолимо проступала многолетняя ржавчина. Даже без фотографии — только маленькая табличка с именем и датами жизни, написанными римскими цифрами на старинный манер. Наскоро вырванный бурьян валялся тут же у оградки. Я одна зашла внутрь.

Надежда Петровна мягко одёрнула Марусю, которой явно хотелось тотчас отправиться прочь вслед за дядей Олегом: — Потерпи. Пусть мама поговорит с бабушкой.

Я присела на корточки у обелиска и положила прямо пе-

ред ним на землю букет из дачных гвоздик, который, оказывается, всё это время держала в руке. На какие-то мгновения кожа словно занемела — и я не чувствовала больше ни зуда от укусов, ни назойливо выющихся вокруг ненасытных существ.

— Здравствуй, — сказала я тихо, прислонив ладонь к имени на табличке. — Ну вот я и приехала. Спасибо тебе за мою самую лучшую бабушку на свете.

Несколько секунд все молчали, даже Маруся.

Но кровожадные стражи старого кладбища уже решили, что нам пора покидать их владения, и с новой силой принялись одолевая упрямых посетителей.

Свидание окончено. И мы двинулись обратно — за пределы этого царства вечного забвения.

Дядя Олег уже ждал нас в машине — сидел довольный под ледяными струями кондиционера. Но как только мы все загрузились, он его выключил и сказал: «Пусть лучше будет жарко, чем кто-то тут у меня простынет».

Да, всё время вижу его беспокойство за маму. У них вообще своеобразные отношения, как я заметила. Дядя обращается с матерью скорее, как с ребёнком — всё время опекает, старается решить любые вопросы, полностью берёт на себя ответственность. А она вроде и говорит: «Олег теперь мой командир», но постоянно пытается ему что-то «продвинуть» или указать, как надо или не надо делать — даже в

мелочах. Его это, с одной стороны, раздражает, и он очень фильтрует её попытки что-то ему навязать. «Мало ли, что она хочет», — так он однажды прокомментировал мне своё решение, которое не совпадало с желаниями матери. Но в целом относится к ней с пониманием и с каким-то любящим снисхождением, что ли. Пусть я и не много наблюдала их общение, но это постоянное взаимодействие я вижу. А ещё вижу, что о ней больше и позаботиться некому. Странная, конечно, ситуация...

...Ладно, возвращаюсь в машину к родственникам после нашего незабываемого визита на кладбище. Несмотря на серьёзность мероприятия, история с комарами, конечно, получилась экстраординарная. Стали даже шутить, что у нас с Марусей вышло этакое «посвящение в омичи», потому как комары здесь — крайне характерная деталь жизни города.

Как только мы разместились в прохладном салоне автомобиля (Надежда Петровна, разумеется, впереди, а мы с Марусей и Николаем Трофимовичем сзади), дядя Олег протянул мне красивую белую коробочку: «Да, вот, кстати, твои часы. Я их вскрывал уже — проверял, как работают. Там приложение надо на телефон скачать — считаешь инструкцию».

Я, честно, не ожидала такого дорогого подарка (кому как, но я считаю, что довольно дорогой, хоть и марка не на слуху). Поблагодарила его, конечно. Но... странный он всё же, Олег... Вот как так можно дарить? Как будто... не знаю...

как будто тебе давали вещь отремонтировать, и ты просто возвращаешь её хозяину. Он даже не посмотрел на меня. «На вот держи...» Хотя, наверное, я мыслю, как зануда. Мне классную штуку подарили, а я ещё чем-то недовольна. Так что всё прекрасно.

В общем, дядя привёз нас к дому, а сам поехал собирать всех своих девчонок с разных концов города. За Сонечкой тоже отдельно надо было заезжать, так как она гостила у своего отца.

А квартира Надежды Петровны после улицы и поездки без кондиционера показалась нам настоящим оазисом прохлады. Но отдохнуть было некогда. Пока хозяйка жарила курицу, я начистила кастрюлю картошки для пюре и решила сходить в ближайший магазин купить чего-нибудь к чаю и мороженого заодно.

Николай Трофимович тотчас же вызвался меня сопровождать. Ой, он такой человек потрясающий оказался! В нём энергии просто прорва (тьфу-тьфу-тьфу). Что за секрет у него, не знаю — надо будет спросить. Тоже хочу в 78 лет так летать.

В общем, мы пошли вместе. А в магазине я поняла почему. Он мне не дал ни за что расплатиться. Вот ведь какой!.. Я набрала мороженого на всех с запасом, два вида печенья и десерт ещё интересный, типа мармеладного рулета. А на кассе Николай Трофимович опять сказал: «Нет-нет, ты гость. Я

за всё заплачу».

Интересно получается: он же тоже приехал в Омск, но считает, что гость именно я, а он — принимающая сторона, выходит. И вижу, что так он счастлив от нашей встречи, прямо с трепетом ко мне относится. Я спросила, могу ли называть его просто «дядя Коля» и, конечно же, сразу получила разрешение.

Он нам тоже подарки привёз. Анна Фёдоровна (его подруга, с которой зимой на лыжах катался) связала для меня и Маруси шерстяные «тапочки» — как носочки, только без верха — дома ходить в холода. А ещё дядя Коля подарил мне маленький самодельный фонарик из простой зажигалки. Очень душевно получилось. Я попросила передать Анне Фёдоровне привет и большое спасибо от нас с Марусей.

Вернулись домой, и как раз дядя Олег привёз Риту и поехал за младшей дочкой и внучкой.

Мы познакомились, я отдала ей свой подарок и сразу предложила перейти на «ты» — мы же сёстры, хоть я и значительно старше. Но пообщаться толком не получилось. Рита показалась мне очень замкнутым человеком, вся в себе. Создавалось впечатление, что ей глубоко безразлично происходящее вокруг. Я пыталась как-то найти общую тему, сказала, что моя самая близкая подруга тоже медсестра, и я восхищаюсь этой профессией. Но Рита не разделяла моего мнения — призналась, что ей не нравится то, чем она занимается, сейчас она думает уйти из медицины и вообще хочет

уехать из Омска «куда-нибудь подальше».

— В Москву или в Питер? — спрашиваю (обычно ведь туда все стремятся).

— Не, в другую сторону. В Хабаровск, например, или во Владивосток.

Я сказала, что это неожиданно и интересно. Но разговор всё равно не клеился. Рита отвечала с неохотой и, казалось, вообще не понимала, зачем она пришла и что ей тут делать. У меня она так ничего и не спросила. И, наверное, порадовалась, когда я ушла на кухню резать овощи для салата.

Мы уже полностью накрыли на стол, когда приехали дядя Олег с Кристиной и Сонечкой. Младшая сестра Риты, если и не была полной её противоположностью, то уж точно отличалась от неё весьма значительно. И не только своей модельной внешностью (рождение ребёнка никак на ней не отразилось).

Во-первых, Кристина улыбалась. И во-вторых, тоже улыбалась. Она сразу поцеловала бабушку и спросила, надо ли ещё чем-то помочь. Тут же развязала ленточку на моём подарке и стала с интересом рассматривать его содержимое, нюхать мыло, которое пахло свежим виноградом, и даже заметила, что обожает ягодные запахи. Впрочем, если это и не так, я всё равно оценила её активную вежливость.

В это время Маруся уже занималась с маленькой Соней. Вручила ей конструктор и показывала, как правильно сложить домик и как играть в сказку.

За столом нас с дочкой, как виновников торжества, усадили на по чётное место, которое обычно занимают хозяева или именинник. Но какой-то общей беседы, как это бывает, когда собираются близкие люди, не получилось. Большую часть времени дядя Олег и его мама расспрашивали о делах Риту и Кристину. Сложилось впечатление, что они не особенно часто общаются и сейчас были рады узнать какие-то новости. Мне очень понравилось наблюдать, как дядя Олег общается с дочками. Взгляд меняется, интонация. Как будто что-то есть у них только своё, только между ними.

После обеда сёстры стали убирать со стола и мыть посуду, а дядя помог мне установить приложение для часов и показал, как им пользоваться.

Закончив с уборкой, Рита тут же засобиравлась домой. Кристина сказала, что тогда тоже поедет, «чтобы отец последний раз не мотался».

И квартира Надежды Петровны скоро опять опустела, будто и не было никакого семейного обеда. Стало даже немножечко грустно. Как будто я ждала чего-то другого. С Кристиной мы даже и не пообщались. Да, наверное, молодёжи не особенно интересна какая-то родственница, о которой они знать не знали всю жизнь.

А между тем Надежда Петровна выложила на обеденный стол, с которого уже убрали скатерть, очередной семейный альбом. Теперь это был альбом дяди Олега, который он при-

вёз только сегодня.

— Наконец-то забрал его от Маринки. А то как ушёл, так и пооставлял там всё своё добро, — удовлетворённо вздыхала Надежда Петровна, усаживаясь рядом со мной. — Вот ведь как: квартира-то его, на его военную субсидию куплена, а жить там он не может. Маринка не ушла после развода. Так там же теперь и Кристина с Сонечкой. А Олегу куда деваться? Со мной-то он не хочет. Вот и живёт у своей новой дамы. Как квартирант. А ты видела, какой нервный он? Это она ему мозги выносит, что много внимания вам уделяет.

Ну да, временами дядя Олег выглядит напряжённым и будто «подгруженным», я замечала. Но думала, что это его обычное состояние наравне с деловито-спешащим видом и шутками с серьёзным лицом.

А Надежда Петровна тем временем продолжала:

— Ой, Света, ты как приехала, я Олега вообще не узнаю. Носится, словно мальчик...

Я, честно, даже не представляю, как должна реагировать на такие замечания. Но ей виднее, конечно — я же не знаю, как Олег обычно себя ведёт. Наверное, он хочет, чтобы у меня остались хорошие впечатления от знакомства. Это, конечно, приятно. Только вот его самого я очень мало вижу. Кроме поездки в Тару, мы почти и не общались. Только возит нас туда-сюда. А с ним интересно поговорить. Жаль, что времени постоянно не хватает.

Альбом оказался очень занятным. В детстве дядя выглядел прямо как куколка. Я бы даже сказала, как ангелок. Только вместо струящихся кудрей — торчащие в стороны непослушные прядки. Надежда Петровна сказала, что зимой незнакомые люди постоянно говорили на закутанного Олега: «Какая хорошенькая девочка!» А он плакал и кричал: «Мачик я, мачик!»

Такие классные были эти фотографии! Мне захотелось оставить некоторые себе на память, и я стала снимать самые интересные на телефон.

Потом школьные годы. Олег везде улыбается. И улыбка такая хитрющая-прехитрющая. Надежда Петровна вспоминала, как учителя в школе выходили из себя оттого, что он всё время улыбался и было неясно, что у него на уме.

Зато сейчас, как я вижу, серьёзен дальше некуда.

Следующими были фото студенческой жизни. Дядя Юра хотел, чтобы сын пошёл в высшее военное училище. А Олег, никому ничего не сказав, после 8 класса сдал экзамены и поступил в техникум на факультет радиосвязи. Причём интересно то, что родители узнали об этом лишь спустя несколько месяцев. Дядя Юра в принципе постоянно отсутствовал — был в командировках и разъездах. И Надежда Петровна со своими двумя работами тоже мало видела сына. Хотя, конечно, для меня такая ситуация всё равно удивительна.

А затем... Затем начались цирковые фотографии. С ума сойти! Вот этот рельефный атлет с полуобнажённой грудью в

расшитом блёстками костюме — дядя Олег??! Нет, эти кадры точно надо сохранить. Покажу отцу — интересно же. И я пересняла почти всё на телефон, а заодно и почётную грамоту «За творческие успехи и активное участие в культурной жизни города».

И тут Надежда Петровна выдала ещё более неожиданную информацию. Та тоненькая девчушка, которую крутит в руках цирковой силач Олег — его будущая на тот момент жена Лена. Оказывается, они познакомились в цирковой студии и выступали в паре несколько лет.

Получается, она выросла у него на глазах. Вот это дааа...

И я, вспомнив себя в этом раннем подростковом возрасте, почему-то сразу представила, как сильно была в него влюблена эта маленькая гимнастка. Нет, у неё однозначно не было шансов.

И, как в подтверждение своих мыслей, на следующей фотографии вижу дядю Олега в тельняшке и бескозырке в окружении других мускулистых ребят в простых майках, а рядом маленькая Лена в лёгком платице. Сколько ей, выходит? Тринадцать? Четырнадцать?

— Это она к нему в армию ездила, — пояснила Надежда Петровна. — Уж не знаю, как договаривалась, но привезла в военную часть их цирковую группу, и они там устраивали представление. И Олег выступал тоже. Костюмы возили, всё...

Вот это я понимаю!.. Да, я очень её понимаю... Письма,

наверное, ему писала, ждала. Тогда ведь все письма писали.

...На следующих фото дядя Олег имел уже вид крайне серьёзный, а количество волос на голове от фотографии к фотографии стремительно уменьшалось. На некоторых снимках он был во флотской форме.

— Олег говорил тебе, где служил? — вдруг заинтересовалась Надежда Петровна.

— Конкретно нет. А после аварии был военным представителем на заводе, и больше ничего, — вспомнила я наш недавний разговор.

— Ладно, я скажу. Только ты ничего не знаешь! — вновь перешла на заговорщицкий тон моя загадочная родственница. — На секретной подводной лодке он служил, радистом. Почти с самого начала его туда определили. Я сама до сих пор не знаю, где именно он был. Шесть лет под водой провёл! Ты даже не представляешь, что я пережила, пока он в свои автономки[6]⁶ходил! А потом, после аварии-то, уже здесь в Омске, работал этим, как он говорит, «военпредом» — тоже на секретном заводе. Проверял аппаратуру для подлодок. Без него ни один прибор не принимали. Может, он и сам тебе когда-нибудь расскажет.

Вот оно что... Значит, чуйка меня не подвела — в какой-то степени он действительно служил «в штабе, писарем». Теперь понятно, почему перед тем, как что-то сказать или от-

⁶ Автономка (разг.) — автономное плавание: длительный поход подводной лодки в удалённые районы без захода в базы снабжения.

ветить, он сначала молча сканирует тебя пристальным взглядом — видимо, прогоняет через свой «полиграф» в голове всё, что слышал.

Вот сколько нового я вчера узнала.

Под конец мы так хорошо разговорились с Надеждой Петровной, и она тоже разрешила мне называть её просто «тётя Надя».

Скоро за нами вернулся дядя Олег, чтобы отвезти в санаторий. По дороге почти не разговаривали. Сидя рядом в машине, я чуть ли не физически ощущала его запредельную усталость. Мне стало даже неловко из-за того, что мы доставили столько хлопот.

Честно сказать, я под впечатлением от всех этих историй. Думала о нём вчера весь вечер. И сегодня тоже ловлю себя постоянно на этих мыслях. Просто приятно о нём думать. А ещё... мне хочется говорить ему «ты» — ведь сестра не должна обращаться к брату на «вы». Да, надо будет как-нибудь спросить его об этом.

03.07.24 (ночь)

Подходит к концу наш отдых. И сегодня мы прощались с Иртышом — ходили к нему после обеда.

Набрали шишек под соснами и взяли с собой — бросать в

воду вместо камешков. Потом купили в местном киоске мороженое, сняли обувь и шли так босиком по песчаной просёлочной дороге до самой реки. Маруся была вне себя от счастья — сначала даже поверить не могла, что будет идти без сандалий и есть мороженое на улице, а не за столом с тёплым чаем.

Сегодня было ветрено, и волны плескали прямо как на море, взбаламучивая песчано-илистое дно. Из-за этого свой серебристо-голубой наряд река сменила на зеленовато-бурый. Но, несмотря на официальный запрет купания — тем более что местные его всё равно нарушают — мы с удовольствием побродили вдоль берега по щиколотку в воде. Маруся строила запруды и делала мне грязевые маски, покрывая стопы тёплой тяжёлой массой прибрежного песка. А мальчишки подарили ей раковины речных мидий, которые, оказывается, водятся здесь в изобилии. Так что теперь у нас будут настоящие сувениры на память об этом чудесном знакомстве.

Пришло время расставания. И, полюбовавшись, как солнце медленно прячется за лохматые заросли деревьев на противоположном берегу, и сделав ещё пару десятков снимков, как воды моей священной реки играют в закатных лучах, мы побросали последние шишки как можно дальше от берега и пообещали обязательно вернуться на следующий год.

И сейчас перед сном ребёнок сказал мне, что это был лучший день в её жизни. Я аж расплакалась...

06.07.24

Мы опять в пути. Теперь уже в обратном. Сибирь и Урал остались далеко позади. И сейчас самое время вспомнить, как прошёл наш девятый день в Омске.

Утром мы сходили на завтрак. Потом Маруся ещё успела на зарядку, а я собрала последние вещи, и в 10:00 мы сдали номер. Вечером накануне договорились с Олегом, что он заберёт нас на час позже, потому что дочке хотелось попрощаться с друзьями, а мне — прогуляться напоследок по сосновому бору. Поезд отправлялся только ночью, и спешить было совершенно некуда.

Оставив наши вещи у администратора в фойе, мы пошли к детской площадке, где уже собрались Марусины подружки. А я решила пока заняться чрезвычайно приятным времяпровождением, которое внезапно открыла для себя именно здесь — покачаться в гамаке под кронами сосен. Уж не знаю, как так вышло в моей жизни, но никогда раньше мне не доводилось качаться в гамаках. А это, как оказалось, особенный вид удовольствия.

Жара двух предыдущих дней спала, небольшой ветерок где-то высоко в небе трогал пушистые лапы сосен, а солнечные лучи мелькали «зайчиками» в прогалинах между ветвями и заставляли жмуриться — наверное, от счастья. И вот

так я качалась и жмурилась... И вдруг в голове стали сами собой складываться строчки — стихи. Одна, вторая, третья... Я теперь мыслю стихами? Вот что значит хорошенько отдохнуть и зарядиться впечатлениями! Пришлось всё же поднаться, чтобы найти телефон — будет жалко, если забуду. И я записала эти внезапно пришедшие стихи.

Забираю запах хвои, плеск реки и шум берёз...
Навсегда запомнит сердце эти сосны до небес.
А за бором — гладь равнины и цветущие поля...
Благодарствую, что принял ты приветливо меня,
край родной и незнакомый.
Не серчай, что долго ждал!
Мы с тобою, Омск, навеки —
ты меня не забывай!

Удивительное дело. Я не писала стихов почти тридцать лет. Когда-то в юности был такой период — года два — когда они приходили. И больше потом не случалось.

...Вдруг резкий шорох — по стволу взметнулась белочка. Их тут целое царство — недаром кругом развешаны резные домики-кормушки. И пушистые красотики совсем ручные, берут с ладони семечки и в качестве благодарности позируют для фото.

Скоро за нами приехал Олег. Привёз к матери. Стали об-

суждать, какие дела на сегодня. Мне продуктов надо было купить в дорогу, а ещё мы не посмотрели фото с моих флешек. Компьютера у тёти Нади нет, зато у Олега есть ноутбук. И тогда он предложил мне сразу «убить двух зайцев» — поехать вместе до его дома, и пока он сходит за ноутбуком, я зайду в магазин и куплю, что нужно.

И мы поехали.

А, нет, ещё перед этим забавная ситуация вышла.

На улице уже становилось жарко, и я решила вместо джинсов надеть хлопковые бриджи. Они у меня лежали на дне чемодана (как-то не дошла до них очередь раньше) и, конечно, помялись. Хочу погладить. А гладильная доска заложена-заставлена на том складе вещей в отдельной комнате. Тётя Надя ею не пользуется — гладит на столике с одеялом, по старинке. Ну а мне же неудобно без доски! И я попросила Олега её достать. Это было не очень-то просто. Пришлось отодвинуть стол, переставить пару коробок. В общем, вытащил он её. Я погладила свои бриджи. И тут смотрю в окно, а там потемнело, похмурило, ветер поднялся — того и гляди, дождик пойдёт. Внезапно. Нет, думаю, не буду переодеваться. И выхожу к Олегу в коридор в джинсах, как и была.

Надо было видеть его глаза! Они вдруг сделались круглыми-круглыми. И столько эмоций одновременно пронеслось по его лицу!..

— Ты же хотела в бриджах идти... — говорит он абсолют-

но ровным голосом, никак не совпадающим с эпосом в глазах.

— Да там что-то тучки набежали. Я бриджи погладила, но решила всё-таки в джинсах пойти, — отвечаю я, как ни в чём не бывало, и мило улыбаюсь.

И он на мгновенье поднимает глаза к потолку, еле слышно вздыхая, мол, ну это же женщина — что с неё взять. А сам уже открывает дверь:

— Пошли давай, а то так ничего не успеем.

Ехать было совсем недалеко — соседний район. По дороге говорили о том, что время пролетело слишком быстро, и многого мы не успели сделать и посмотреть. Олег припарковал машину у торгового центра. И я пошла в магазин, а он за ноутбуком.

Обратный путь промелькнул в каком-то пустяковом разговоре, во время которого я мысленно всё время пыталась найти повод перейти с ним на «ты». Но повода не нашлось. И я не решилась спросить.

Вернулись. Смотрели мои фотографии. У меня там целые архивы — с родителями, с бабушкой и дедушкой, мои семейные, дети маленькие. Олег вывел их на большой экран телевизора. Все сидели как в кинозале на диване, а я показывала выборочно самое интересное.

Потом немного помогала тёте Наде с готовкой. Пообедали. Вспомнили, что так и не сфотографировались все вме-

сте. Почему-то всегда было ощущение спешки, и не доходило дело. Попросили Марусю сфотографировать нас вчетвером. Очень даже неплохо получилось, хоть и не с первого раза.

После обеда тётё Наде надо было отдохнуть. Олег тоже сказал, что поедет домой — попробует поспать. И уехал... Мне жаль было, что уехал.

Вот думаю... Почему-то в моей семье все мужчины такие замечательные. И мой отец, и брат, и дядя Дима. И дед тоже был такой, что и не сыщешь лучше. Ответственные, понимающие... А мне вот не повезло таких встретить. И сейчас как будто даже жаль, что мы с Олегом родня. Да-да... Ну что ж теперь поделать?.. Попробуем не потеряться и как-то поддерживать связь.

...И мы с Марусей и дядей Колей пошли гулять в парк с ностальгическим названием «Советский», который начинается прямо под окнами у тётё Нади. Парк, кстати, оказался классный: большой, старый, деревья высокие. Спускается плавно вниз к Иртышу. Дорожки, скамейки, кафешки. И аттракционы — Марусина любовь. Кругом красота: клумбы, газоны подстрижены. По дорожкам попеременно с голубями чайки разгуливают и даже не дерутся. Чудно так... А в воздухе пахнет рекой и хвоей — вкусно... Правда, тётя Надя говорила, что у них так не всегда пахнет. Бывает, что и окно не откроешь, если с заводов выбросы были. Но мне повезло

— я за все свои дни в Омске такого не застала.

Мы здорово провели время. Водили Марусю по каруселям. (Кстати, дядя Коля опять старался за всё заплатить). А пока ждали её, сидели на лавочке и разговаривали.

Я люблю расспрашивать о жизни и детстве старшее поколение. У дяди Коли оказалась феноменальная память. Он сказал, что, когда был ещё карапузом, года в три, сунул гвоздь в розетку, и его ударило током. Ну как ударило — отбросило к другой стенке. И с этого момента он помнит абсолютно всё.

Мы ходили по парку до вечера, и дядя Коля всё рассказывал. Он, оказывается, ещё тот бунтарь был — и из дома сбегал, и школу бросал. Даже подростком жил один какое-то время в соседнем посёлке у дальнего родственника, устроился там на работу и чувствовал себя вполне самостоятельным. В общем, с детства с характером.

А у меня ведь и бабуля такая была. Она же из-под венца сбежала!

Был у неё жених. Красавец, ухаживал душевно. Заявление подали, гостей на свадьбу позвали — всю родню с других городов и деревень. Уж меньше месяца оставалось. И в один день пригласил жених бабушку на танцы. А у неё дела были срочные, и она сказала, что не сможет пойти. Ну и всё. Вечер наступил. И тут вдруг подруга прибегает: «Танюха, ты тут наряд на свадьбу готовишь, а твой Василий в клубе с Нинкой целуется!» Ну, бабуля свои дела, конечно, побросала — и в

клуб. Глядит, и вправду, гуляет Василий по саду за клубом в обнимку с девицей. Ну что ж, она, конечно, в слёзы и домой. Рассказала сестре. Какая уж теперь свадьба?.. Своей родне разослали письма да телеграммы — отменили всё. Но что самое интересное, торжество у Василия всё же состоялось в намеченный день. Только под венец он повёл... нет, не Нинку! Другую Татьяну! Так что его приехавшая в гости родня даже знать не знала, что невеста не та. Просто жених он был завидный — бригадир, да с квартирой. Такими не принято было разбрасываться. А через два месяца бабуля встретила свою настоящую судьбу — моего деда.

Так что всё происходит к лучшему. Всегда.

Вернулись мы уже в сумерках. Поужинали. Я собрала еду в дорогу и сложила последние вещи. И как раз Олег приехал. Мы ещё немного посидели все вместе. Дядя Коля принялся опять рассказывать весёлые истории, а остальные подхватили.

Очень жалко было расставаться. На прощанье я обняла и поцеловала и тётю Надю, и дядю Колю. И твёрдо решила для себя, что Олега тоже обязательно обниму — но попозже, на вокзале.

Ночной Омск необычайно красив. В центре кругом подсветка, и все старинные здания выглядят совсем по-сказочному. Так мы и не выбрались в город, не успели. Значит, будет повод приехать ещё раз. Тётя Надя меня уже пригласила,

и Олег по дороге стал говорить, что в другой раз нам надо будет приехать «наподольше». Я обещала постараться. Сказала, что, может, возьму с собой сына. Володя большой любитель военной темы, часами может обсуждать танки и пушки, и наверняка будет рад познакомиться с дядькой-моряком.

И тут случилось неожиданное. Олег сам стал рассказывать то, что мне в строжайшей тайне поведала его мама: про службу радистом на секретной подлодке, и что именно там и случилась та злополучная авария — как раз только распался Союз, и времена у военных были тяжёлые. А потом определили его на завод инспектором — принимать радиоаппаратуру для лодок. Это, правда, была уже совсем другая работа, но он радовался, что хоть во флоте остался и время от времени ездил на сборы. Конечно, никаких именно секретов он мне не выдал. Сказал, там такие бумаги сразу подписывают, что язык отсохнет. Но всё равно, выходит, решил, что я заслуживаю доверия. Что ж, это хорошо. Значит, можно попытаться спросить разрешения перейти на «ты». Да, эта мысль ни на секунду не покидала мою голову.

И уже когда стояли на перроне, смотрю, хмурый какой-то сделался. Спрашиваю:

— Что-то случилось?

А он:

— Нет, ничего. Просто у меня аллергия на вокзалы.

Вот тут я и решила — тянуть-то уже некуда. Внутренне зажмурилась и говорю:

— А можно я вас буду просто Олег называть, на «ты»?

Пауза. И пытается просветить меня своим «рентгеном».

Секунда. Две. Три.

— Давно пора. Я вообще не понял, с чего ты вдруг решила меня на «вы» называть... — отвечает он, не меняясь в лице.

Вот так мы и стали на «ты».

А когда он нам в купе сумки занёс, я и вторую часть своего плана выполнила: обняла и поцеловала быстро в щёку. И даже смогла сказать: «Спасибо тебе за всё». Ох и сложно же это оказалось — произнести «тебе» в первый раз. И, по-моему, это моё действие значительно улучшило его настроение. Как будто он смутился даже. А потом вышел из вагона и с перрона ещё рукой помахал нам в окошко. Довольный такой...

Вот думаю теперь: может, его мама правду говорила, и мой приезд значил для него что-то особенное?

Зазеркалье

07.07.24.

Ну вот мы и дома... Приехали сегодня в обед.

Рада ли я? Честно — нет. Сейчас надо включаться в суету с ремонтом. Шкаф уже готов. Теперь надо договариваться с мастерами, выбирать обои... И почему-то делать всё это мне совершенно не хочется.

Вадим нас встретил и сегодня же вечером уехал в очередную командировку. Он часто ездит. Курирует какие-то подрядные организации своей фирмы. Иногда командировки довольно длительные. И это очень хорошо. Помню, в моей жизни было время, когда перед его отъездом я уже за сутки начинала плакать при мысли о разлуке. А потом ситуация поменялась на прямо противоположную. И между этими двумя точками произошло много, очень много событий...

Как приехали, я сразу позвонила тёте Наде сообщить, что добрались. Оказалось, Маруся забыла у неё дома игрушку — маленькую лисичку. Она брала с собой в дорогу целое семейство карманных зверюшек. Лисичка завалилась за кресло, и Маруся про неё не вспомнила. Тётя Надя сказала, что поставит её в сервант, и там она будет нас ждать через год. Это хороший знак. Возможно, действительно получится ещё

приехать. Так здорово, что есть люди, которые искренне радуются тебе и хотят видеть. От этого становится тепло на сердце.

Написала Олегу, что мы уже в Курске, у нас тут жара, и Маруся забыла игрушку. Он сразу ответил: «У нас тоже жаррищааа...» и сказал, что надо попросить маму убрать лисичку в сервант, а то потеряется. Я написала: «Она уже именно так и сделала». И в ответ мне заулыбалась жёлтая мордашка смайлика.

А потом отец прислал мне смешное фото из деревни с самодельным кондиционером: перед вентилятором целый таз бутылок с замороженной водой. От бутылок идёт холод, а вентилятор гоняет его по комнате. И мне захотелось отправить это папино изобретение Олегу. Он тут же прислал мне большущие ягоды чёрной смородины на раскрытой ладони. Значит, сейчас он на даче. Но почему-то на мой «кондиционер» никак не отреагировал — ни смайликом, ни комментарием.

Ещё часа через два у нас вдруг разразилась сильнейшая буря с грозой. Вода стояла стеной, а берёзы под окнами гнуло и шматовало так, что чуть не поломало. Я схватила телефон и сняла на видео эту очень вовремя обрушившуюся на нас стихию. И... опять отправила Олегу. С подписью: «А у нас ливень! Ура!»

Но, вероятно, это было уже лишним. Потому что он посмотрел — и ничего не ответил.

Наверное, это выглядело глупо и странно.

Ну, не хочет отвечать — и ладно...

Зря отправила. На душе паршиво. Какая-то пустота...

08.07.24

Кто-нибудь может мне ответить, что случилось сегодня ночью? Что со мной? Я ничего не понимаю. И что я вообще наделала?..

Как же мне не хватает Кати!.. Она теперь так далеко, и больше нельзя позвонить и сказать: «Слушай, у меня тут что-то происходит. И ты мне очень нужна. Давай сходим куда-нибудь после работы».

Потому что теперь мой самый близкий человек — подруга, которой, наверное, за какие-то заслуги в прошлой жизни наградил меня Господь — живёт за триста километров, в Туле. Правда, она почти каждые выходные приезжает в Курск к дочке, и иногда получается увидеться. И сейчас я ей уже, конечно, позвонила. Но разговор не телефонный, и через неделю мы должны встретиться.

А пока мне надо как-то выжить... и не сойти с ума. Я будто в другом измерении. Сама себя не узнаю. Я даже не подозревала, правда... Хорошо хоть муж мой уехал. Не знаю, как бы я была. Я одну чашку сейчас мыла целый час. Вода льётся, а я тру её, тру... А сама где? Где я?..

Я даже не спала, нисколько. Не могла, всю ночь писала ответ. Писала, не видя ничего вокруг и вообще не понимая, что делаю. Но мне надо было ответить.

Наверное, я сдала себя с потрохами. Он всё понял... Господи, какая же я дура!.. Что он думает обо мне?..

Всё, надо взять себя в руки. Сейчас. Сейчас я всё запишу, и в голове обязательно просветлеет. Это всегда работало. Пока пишешь, мысли сами складываются в нужном порядке, как будто собирается пазл.

Вчера я уложила Марусю.

Потом проводила Вадима.

Добралась, наконец, до постели, и уселась в подушках, чтобы перед сном полистать ленту ВК и побродить вдоль витрин на Озоне.

И... что это? В ватсапе что-то есть.

Опускаю шторку уведомлений.

Он... отве...тил...

Я вижу строку целиком и... сердце срывается вниз. Резко. Будто его неожиданно толкнули. И летит, летит в бесконечную бездонную пропасть, набирая скорость, от которой я начинаю задыхаться.

Такое чувство, что скучаешь...

Это будто тебя поставили в центр тёмной комнаты и све-

тят фонарём в лицо. Нет, не в лицо, а прямо в голову! А там всё видно — всё горит большими яркими буквами.

И меня охватывает паника. Он читает! Читает то, что я спрятала!

Я считала, что очень надёжно спрятала. Я была уверена, что никто никогда этого не увидит и не узнает. Я спрятала так, что думала, может, даже сама забуду, где...

А теперь он увидел.

Может, и сразу видел?

Нет, надо что-то сделать. Надо так ответить, так написать, так объяснить, чтобы он не думал, будто всё разгадал. Нет, мне никак нельзя допустить разоблачения —исключено.

Это всё кричит моя голова. Мысли, как безумные, носятся из угла в угол с криками «Всё пропало!» и «Стоять! Не смей сдаваться!» Натыкаются друг на друга, падают и снова бегут, бегут...

И вдруг, почти одновременно с их воплями, я слышу заклинаящий, ровный, гулкий голос — даже не знаю откуда: «Да! Скажи ему «Да!» Скажи! Скажи, что он прав. Что он классный. Что ты увидела, какой он классный. Ты скажешь. Потому что ты хочешь, чтобы он знал».

И я... я... как в бреду... в лихорадке, в ознобе, между мирами, между этими кричащими и заклиняющими голосами стала писать. Я писала, стирала, опять писала... Смотрела в глаза каждому своему слову, молча, беззвучно умолая: «Не подведи!»

Я закончила под утро.

Перечитала несколько раз.

И только тогда открыла ватсап.

Оказывается, перед этой фразой он прислал ещё фото.

Стол на даче, за которым мы пили чай в день нашего приезда.

Стол накрыт для одного. Шашлык, салат, миски с черешней и клубникой и кружка с золотистым напитком.

Время отправки 22:25.

А ведь в Омске это половина второго ночи.

И в голове никак, никак не складываются вместе две вещи: эта фраза и непроницаемо-серьёзный образ Олега, к которому я привыкла.

Я решила ответить и на фото тоже.

«Вкуснятина!» и смайлик-улыбочка рядом. Достаточно.

Вот так легко.

А следом письмо.

Какой прямой вопрос... :-) Я оценила :-)

Значит, будет прямой ответ.

Да, скучаю.

...Знаешь, ведь побывать в ваших краях действительно было моей «мечтой всей жизни», которая долгое время имела черты несбыточной... А когда бабушки не стало, то моя мечта «обострилась», захотелось просто до невозможности найти людей, связанных с её большой семьёй, о которой я так любила слушать рассказы. Захотелось своими глаза-

ми увидеть далёкую землю, где жили мои предки, подарившие мне лучшую в мире бабушку, бесконечно добрую и мудрую. Люблю её выше неба...

В общем, год назад я решила, что поеду. Попытаюсь найти родных. И даже, может быть, если повезёт, им тоже будет не всё равно, и они захотят общаться и поддерживать связь. Это в идеале. Так я мечтала. Я, конечно, понимала, что реальность вполне может оказаться абсолютно иной. И была к этому готова.

Я ужасно волновалась и переживала, долго морально готовилась к первому телефонному разговору :-) Совершенно не хотелось показаться навязчивой и обременять по факту незнакомых людей общением, которого они не искали и не ждали.

А потом всё думала, как меня встретят... Вот приеду я такая: «Здравствуйте, я ваша тётя-племянница!» :-)

И вот сейчас моя мечта сбылась. Совершенно сбылась! В идеале! Бесконечное, огромное вам спасибо — тебе, твоей маме, дяде Коле! Моя семья теперь стала больше.

Вы все такие замечательные! У всех непростые характеры — это видно (а у кого простые?). Но нам с дочкой действительно оказались рады, приняли с теплотой и заботой, которых я даже не ожидала в такой мере. С вами было легко, интересно и комфортно общаться.

И ты мне очень понравился, это правда. Понравились шутки с серьёзным лицом, а за весельем цепкие «рентгеновские» глаза — юлить и скрывать что-либо от специалиста по секретной связи бесполезно:-)

Я вообще ожидала увидеть кого-то чуть помладше Николая, а тут вдруг оказалось, «дядя Олег» больше годится в старшие братья, чем в дяди. Так вышло в жизни, что у меня нет никаких «старших» — я родилась первая в своём поколении. Все мои родные и двоюродные, ближайший круг — только младшие. А мне всегда хотелось, чтобы был кто-то более сильный и умный — но не родители, а поближе по возрасту — с кем можно поделиться и, возможно, попросить совета не в качестве наставления «как правильно жить». В общем, место старшего брата свободно. Жаль, конечно, что ты так далеко... Если согласишься, я буду очень рада общению в комфортном для всех режиме.

Извини, длинновато получилось. Но надо было объяснить:-)

Ну всё.

Будь что будет.

И я пошла мыть чашку, одиноко стоящую в раковине. Муж пил чай вечером. Надо же... у меня есть муж... странно... очень странно... а ещё у меня есть ребёнок... где она, кстати?... а, ещё не проснулась, устала после долгой дороги... а я не устала... я просто не чувствую себя... я нигде... между

мирами... между сном и реальностью...

Не могу поверить, как он смог мне написать такое?..

И я понимаю, что до сих пор мою чашку... Я всё ещё мою эту чашку!.. Почти целый час.

Закрываю кран. И иду опять к телефону.

Он написал мне ответ!

Господи, что он мне написал?..

И сердце опять срывается вниз.

Надо открыть.

Каким-то немыслимым усилием отталкиваю страх и открываю.

Не переживай. Надо просто ко всему относиться просто, и тогда всё будет прозрачно и ясно, что делать.

И? Что это значит? Как понимать этот шифр с подводной лодки?

Он увидел моё волнение?

Да, оно было явным, слишком заметным... Я слишком старалась его скрыть.

Зачем, зачем я написала про его глаза? Теперь он точно всё понял.

Господи, ну почему я такая ненормальная?..

09.07.24

Мне кажется, что я попала в зазеркалье. Как будто тело находится в одном мире, а голова в другом.

А сегодня внезапно пришли стихи.

«Москва — Чита», двенадцатый вагон.
Я выйду в Омске, как всегда мечтала.
Там ждут меня? Туда меня зовут
душа и мысли, если без обмана.
Там неожиданно нашёлся человек,
с которым мне тепло и беззаботно.
Всего пять встреч, а будто целый век
его я знаю... и не знаю будто...
За шутками — серьёзный цепкий взгляд
мне смотрит прямо в сердце,
не скрываясь.
И думать хочется, что он мне тоже рад.
Рад, что знакомство наше состоялось.
Мне хочется сказать ему «родной»,
продлить его неловкие объятия...
...«Чита — Москва», двенадцатый вагон...
И целый год...
И снова буду ждать я...

15.07.24

Вчера наконец-то встретились с Катей.

Даже не представляю, что бы я без неё делала. Выложила ей всё — до мелочей. Про Омск, про Олега, про его мать и вообще про эту семью, в которую я внезапно погрузилась. Рассказала, как ездили в Тару, и все эти моменты на грани «показалось-не показалось». И как я думала, что он понравился мне — просто понравился. И, наверное, если бы мы не были роднёй и встретились раньше, то... жизнь могла быть другой.

Да, я думала об этом. А смысл? Господь решил по-своему. И я планировала... я хотела просто общаться иногда. Приезжать в гости и радоваться, что могу побыть рядом недолгое время.

Я на самом деле была счастлива оттого, как меня приняли. Тётя Надя оказалась очень открытым, душевным человеком. И мне это понравилось. А то, что она стала мне рассказывать все их семейные дела... Так ещё не так будешь рассказывать, если всегда один и некому душу излить. Да и малознакомым людям бывает легче открыться. Иногда случайным попутчикам можно доверить то, чего не скажешь близким. А у неё такая судьба тяжёлая. Будто затянула чёрная полоса, и не хватило сил выбраться, не было поддержки.

Олег, конечно, заботится о ней. Но с сыном не поговоришь, как с близкой женщиной. Поэтому её мне очень жалко, и теперь я буду ей звонить. Мы очень подружились за это

короткое время.

И, да... про Олега.

Никак не ожидала, что он что-то заметит. Подумаешь, пара сообщений. Что такого? Или это было уже слишком? И он понял. А если понял, зачем было говорить напрямую? Получается, он захотел показать, что увидел моё равнодушие. А значит... Что это значит?

И моя собственная реакция... Я в шоке от неё. Не думала, насколько всё окажется сильно. Но больше всего я боялась, что открыла себя полностью. Он убедился, что я «запала на него», и теперь неизвестно, как общаться дальше. И будет ли он общаться в принципе?

Я даже дала Кате прочесть своё письмо, потому что сама не понимаю, какие выводы можно из него сделать. Я ведь была в тот момент в невменяемом состоянии. Она уверила, что ничего «сдающего с потрохами» там нет — всё в рамках родственности. Письмо просто искреннее и в моём духе. Олег же видел, какая я. А эти его непонятные слова... Да он просто не знал, что ответить. Ведь как мы с ним общались ещё до встречи? От него были только видео, фото и короткие голосовые. Он явно не силён в письменной речи.

В общем, благодаря Кате я хоть немного успокоилась.

Всю прошлую неделю пыталась заниматься делами. Искала мастеров для ремонта, потому что бригада, которая делала нам другие комнаты, занята, а нам тянуть некуда. Дала объявление о продаже старого шкафа — может, заберёт кто-

то себе на дачу. Пыталась посмотреть обои в ближайшем магазине.

Но... не знаю... Я как в тумане. Не понимаю, зачем это всё — шкаф, ремонт... Я словно вообще здесь больше не нахожусь. И ни в чём нет смысла. Но просто делаю то, что планировали. Не знаю, зачем... Не знаю, как дальше...

17.07.24

Какая же я непутёвая всё-таки... Понапридумывала себе не пойми чего.

Ладно. Как есть, так есть. Что я могу сделать? Как теперь общаться? Не знаю. Могу только разговаривать с его мамой. Надо будет на днях ей позвонить.

А сегодня он должен быть в пути на вахту. Называл дату билетов ещё в Омске. И как добирается, тоже рассказывал.

Сначала три часа летит на самолёте до Иркутска. Там несколько часов в аэропорту и пересадка на вертолёт. Ещё два часа над землёй. Куда именно летит вертолёт, не сказал. Наверное, секрет. Потому что после секретной подводной лодки и секретного завода можно работать только в секретном месте. И от этого места ещё часа полтора по тайге на вездеходе он едет. В общем, без шуток, путь неблизкий и довольно-таки опасный.

Тётя Надя жаловалась мне, что, пока он в дороге, не мо-

жет ни спать, ни есть — переживает. А я знаю только один способ сделать хоть что-то, когда от тебя ничего не зависит. Это молитва.

Я нашла сегодняшний рейс из Омска до Иркутска и просто читала бабушкины «Живые помощи» — на взлёте и на посадке. Не знаю, действует ли это. Но каждый раз, когда я прибегала к помощи этой молитвы, всё складывалось наилучшим образом. В любом случае, это единственное, что мне остаётся.

И он всё время у меня в голове. Вообще всегда.

Сказал ты мне, что чувствуешь,
будто я скучаю.
Скучаю ли?.. Не знаю я...
Я сердце с тобой оставила.
Где-то забыла, выронила.
Может, найдёшь — посмотри...
Загляни ты в моё послание —
Всюду след его между строк.
Полетело оно в тайгу с тобой...
Ты не будь к нему слишком строг.
Ведь не просит оно почти ничего:
Вспоминай обо мне иногда,
Напиши: «Как дела? Что нового?» —
Очень мне не хватает тепла...
Не прошу тебя я сердце вернуть.
Мне не жалко — пусть будет с тобой.
Только очень-очень далёкий путь

Мне обратно к тебе... домой...

17.07.24 (вечер)

Господи, это невероятно... Он мне написал!!!

Сердце выскочит сейчас...

Я ещё даже не читала, не открывала. Только уведомление увидела и пару первых слов. Позже перед сном посмотрю.

Он же только сегодня прилетел на вахту. Там ночь сейчас. Может, уже на смену заступил, а может, не спится...

Честное слово, была уверена, что не напишет...

Господи, я самый счастливый человек!

Ведь это значит, что я есть в его мыслях.

Он будто слышал меня. Это, наверное, какая-то энергия в астрале, и она ощущается, передаётся...

19.07.24

Ну что, запишу продолжение моих вчерашних событий.

Дома уже всю ремонтный хаос. Вчера весь день разгружала старый шкаф в спальне, потому что нашлись желающие купить. Сколько вещей в нём находилось — ужас.

Вечером Вадим приехал из командировки.

В общем, пока как-то рассовала коробки и пакеты, при-

готовила ужин, перемыла посуду — уже ночь. Маруська заснула только в двенадцатом часу.

Открываю своё чудесное долгожданное сообщение.

Привет! Ну вот я и на работе. Вроде только домой ехал, а уже опять тут.

Даже никакого вопроса типа «Как дела?»

Да без разницы! Написал, просто написал — потому что сам захотел поговорить.

Как же я счастлива от этой мысли!.. А что писать — не знает и, как я уже поняла, вообще не умеет. Ну и ладно. Зато я умею!

Забыв вообще о времени, часа два набирала ему послание. Рассказала, чем занимаюсь, про ремонт и один забавный случай с Маруськой — просто к слову вспомнилось. А в конце добавила: «Ты не удивляйся, что такие длиннющие письма тебе пишу. Я любительница писем. Всегда раньше писала очень много. А сейчас вроде как некому. Было». И смайлик.

Кстати, это чистая правда.

Отправила в полвторого ночи. У него полседьмого утра.

Он мгновенно открывает. Читает. В ответ только смеющиеся рожицы.

Я пишу: «Если будет время и это будет удобно, присылай фото или видео, как вы там живёте на краю белого света».

И через минуту получаю видео.

Он уже на дежурстве. Вагончик внутри, как кабинет. Стол с компьютером, на экране какие-то замысловатые схемы. Вокруг полки, тумбы, доска на стене, облепленная напоминалками. Телевизор бубнит, кондиционер под потолком, а у двери вешалка со спецовкой и mosquito костюмом. Снимает себя, смеётся, говорит: «Вот так работаем». Потом открывает окошко, затянутое мелкой сеткой. Всё вокруг в густом, почти непроглядном тумане. «Вот такие погоды у нас», — говорит.

Запись прерывается. 30 секунд. 6 000 километров. А чувство, будто их нет.

Интересно, как он сам себе объясняет, что я пишу ему письма глубокой ночью, когда дома у меня муж, и вообще?.. Неважно. Но мне нравится об этом думать.

За окном лупит ПВО, а я неожиданно спокойно засыпаю, как счастливый младенец.

И под утро мне снится моя комната с отсутствующим шкафом, и я в какой-то дрёме. Вокруг уже светло. Лежу, как обычно, на краю дивана и сквозь ресницы вижу, как открывается дверь... и заходит он — в своей ярко-синей форменной куртке с нашитой фамилией «Евсеев О.Ю.» Чёткость видения зашкаливает. Но в голове не возникает вопроса, как такое возможно.

Я продолжаю смотреть сквозь ресницы, делая вид, что сплю. Комнату заполняет практически осязаемое ощущение неловкости. Будто он не понимает, зачем вообще пришёл, и

что теперь делать. Я продолжаю притворяться. Хотя сердце колотится, как сумасшедшее, а в голове уже пожар.

И тогда он молча садится на пол рядом с диваном... какое-то время смотрит на меня «спящую» ... потом медленно прислоняется головой к моей голове — утыкается лбом в мой лоб... и тоже закрывает глаза.

Оглушительно долбит в висках кровь — и я буквально начинаю задыхаться. Но лежу, боясь пошевелиться. Больше всего на свете мне хочется, чтобы он меня обнял.

Но дальше ничего не происходит. Он только всё сильнее и сильнее прижимается головой к моему лбу — как в бессилии люди зажимают кулаки... и молчит. И это продолжается мучительно бесконечно.

Я крепко зажмуриваю глаза и... просыпаюсь с колотящимся сердцем и мистическим ощущением реальности всего, что сейчас со мной было.

20.07.24

Смотрю я в небо ночное...
За тысячи километров
Кедры колючей макушкой
Сметают звёздную пыль.

И смотришь ты тоже в небо...

Лучи рассветные робко
Ложатся на ветки вербы,
На землю рядом с тобой.

Не знаю, о чём твои мысли...
А я тебя обнимаю,
Щекой своей прикасаюсь
К седому виску твоему.

А вдруг ты почувствуешь это —
Тепло и дыхание рядом?
Подумаешь: «Что за виденье?
Наверно, я очень устал...»

Я тихо тебя обнимаю...
Душа ты моя родная...
Вспомни меня, засыпая —
А я буду рядом с тобой.

25.07.24

Мне кажется немыслимым, чтобы происходящее со мной было в одностороннем порядке. Хотя... это очень даже возможно.

Он молчит. Нет, прислал заявку в друзья в ВК. Всё.
Я не знаю, почему он молчит. Версий несколько:

1. Ему всё равно, он не д

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.